

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XXXIV международной научно-практической конференции*

№ 2 (34)
Февраль 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 34
ББК 67
В 74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин филиала Российского государственного гуманитарного университета, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Калтинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедры уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кириянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам XXXIV междунар. науч.-практ. конф. № 2 (34). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 138 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Административное право и процесс	6
О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ Ястребов Олег Александрович	6
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия общуголовной преступности	11
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 19 ОТ 27.09.2012 НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ ПО ДЕЛАМ О ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ Афендиков Виталий Сергеевич	11
ВЫЯВЛЕНИЕ КРИМИНОГЕННЫХ ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ КВАРТИРНЫХ КРАЖ Кочева Татьяна Васильевна	17
Секция 3. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер	26
ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КОРРУПЦИЯ Андреева Любовь Александровна	26
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА (КОРРУПЦИОННЫЙ АСПЕКТ) Андреева Любовь Александровна	35
СПЕЦИФИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ Гончаренко Григорий Степанович	46
Секция 4. Гражданский и арбитражный процесс	54
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СПОРА, НА ВОЗМЕЩЕНИЕ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ Болдырева Наталья Николаевна	54

Секция 5. Гражданское, жилищное и семейное право	62
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ Вольский Станислав Геннадьевич	62
ЗАЩИТА ПРОИЗВОДИТЕЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ДОГОВОРУ КОНТРАКТАЦИИ Иванов Виктор Викторович	66
УДЕРЖАНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА Лазаренкова Ольга Григорьевна	74
Секция 6. Земельное и экологическое право	83
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА Глеба Ольга Владимировна	83
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА Ращупкина Людмила Валерьевна Солоухина Светлана Вячеславовна	91
Секция 7. История государства и права России и зарубежных стран	99
КОНТРОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Пестова Оксана Юрьевна	99
Секция 8. Международное право	106
ЗАЩИТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЖЕНЩИН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Садуакасова Гулмарал Нурланкызы	106
Секция 9. Правоохранительные органы	115
ЗАПРЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СПОСОБНЫХ ВЫЗВАТЬ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМОГО Насонов Сергей Александрович	115

Секция 10. Теория государства и права	120
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОМОНИМАНИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ Герасимова Нина Павловна	120
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА Майоров Андрей Владимирович	128
ДЕФИНИЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА» В ДОКТРИНЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Чиркова Евгения Сергеевна	133

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ястребов Олег Александрович

*д-р юрид. наук, зав. кафедрой административного и финансового
права, профессор Российского университета дружбы народов,
РФ, г. Москва*

E-mail: Yastrebov.2014@yandex.ru

ON THE LEGAL STATUS OF LEGAL ENTITIES OF PUBLIC LAW IN THE REPUBLIC OF LITHUANIA AND THE REPUBLIC OF ESTONIA

Oleg Jastrebov

*head of the Department of Administrative and Financial Law,
Peoples' Friendship University of Russia,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы распространения юридической конструкции юридического лица публичного права Литве и Эстонии. Конкретизируется система взглядов на юридическое лицо в сравнительно-правовом аспекте. Аргументируется необходимость признания конструкции публичного юридического лица в России. На основании анализа опыта этих стран формулируется вывод о том, что в плане законодательного регулирования порядка образования, правовой статус и правовой режим деятельности юридических лиц публичного права должны определяться, в основном, публично-правовым законодательством, за исключением отдельных положений, касающихся реализации их гражданской правосубъектности.

ABSTRACT

The article considers the issues of dissemination of the legal structure of the legal entity of public law, Lithuania and Estonia. Specifies the system of views on the legal entity in the comparative legal aspect. Discusses the need for recognition of design public legal entity in Russia. Based on the analysis of the experience of these countries is formulated conclusion that in terms of legislative regulation of the procedure of formation, legal status and legal regime of activity of legal entities of public law shall be determined mainly publicly-legal legislation, except for certain provisions relating to the implementation of their civil legal personality.

Ключевые слова: юридическое лицо публичного права; административное законодательство; государства постсоветского пространства; кодекс; юридическое лицо; зарубежная доктрина; юридическое лицо публичного права.

Keywords: legal entity of public law; administrative law; state of the post-Soviet space; the code; a legal entity; foreign doctrine; legal entity of public law.

Деление юридических лиц на публичные и частные свойственно в настоящее время практически всем зарубежным странам, где проводится сколь-нибудь последовательное деление права на публичное и частное [12], [13]. В российской правовой системе функционируют организации, соответствующие признакам юридических лиц публичного права [10]. Актуальность и значимость проблематики формирования концепции легитимного отображения специфики их создания и функционирования в России обусловили необходимость обращения к зарубежному правоведению, к теории и практике ряда государств постсоветского пространства, в частности, Литвы и Эстонии.

Теория юридического лица публичного права (публичного юридического лица) возникла в административном праве Франции, которое как принято считать, стоит на «трех китах» — юридические лица публичного права, публичные службы и административная юстиция [9].

Юридическая конструкция юридического лица публичного права получила достаточно широкое распространение на постсоветском пространстве, например, в Украине, Грузии, Молдове, прибалтийских государствах.

В соответствии с Законом о публичных учреждениях Литовской республики [1], публичное юридическое лицо с ограниченной

гражданской ответственностью, не стремящееся к получению прибыли, целью которого является удовлетворение общественных интересов в сфере просвещения, образования и науки, культуры, здравоохранения, природоохраны, развития спорта, оказания социальной или юридической помощи, а также другой общественно полезной деятельности, определено как публичное учреждение.

Публичному учреждению не разрешается направлять полученную прибыль на другие цели деятельности, нежели это определено в уставе публичного учреждения; безвозмездно передавать имущество публичного учреждения в собственность по доверенности или по договору об аренде участнику публичного учреждения или связанному с ним лицу (за исключением выполнения процедур ликвидации); брать деньги в долг под проценты у участника публичного учреждения или связанного с ним лица; гарантировать выполнение обязательств других лиц [8].

Публичное учреждение имеет право заниматься не запрещенной законодательством хозяйственно-коммерческой деятельностью, неотъемлемо связанной с целями его деятельности. Публичное учреждение Литвы не может быть реорганизовано в закрытое акционерное общество [16]. Тем не менее, необходимо отметить, что действующее литовское законодательство предусматривает возможность реорганизации публичного учреждения только в бюджетное учреждение или благотворительный фонд.

Значимой формой автономизации в Литовской Республике следует считать легитимное преобразование бюджетных медицинских учреждений в публичные учреждения здравоохранения [14]. Объектом преобразований стали не только формы финансирования, но и вся система медицинской помощи, что повлекло трансформацию организационно-правового статуса медицинских организаций Литвы.

Здравоохранение Эстонии, равно, как и Литвы следует принципу солидарности: публично-правовая Больничная касса Эстонии организует здравоохранение, а ее задачей, также как и задачей её региональных отделений, является содействие при составлении лечебных стандартов и лечебных руководств, мотивация лечебных учреждений развивать качество услуг здравоохранения. Кроме этого, задачей больничной кассы является организация здравоохранения и выполнения внешних договоров, затрагивающих больничную кассу; участие в планировании здравоохранения; выражение мнения о связанных с больничной кассой и медицинским страхованием проектах правовых актов и внешних договоров и выработка рекомендации по связанным с медицинским страхованием вопросам [2].

Рассматривая проблематику юридических лиц публичного права в Эстонии, следует обратить внимание на то, что на основании закона об общей части Гражданского кодекса основными публично-правовыми юридическими лицами в этой стране являются государство и местные самоуправления [5]. Высказывалось мнение об «эволюционировании» данной доктрины из первой конституции 1920 г. [7], и в этой связи необходимо отметить, что эстонский правовед Ярвелаид Пеэтер неоднократно констатировал влияние «чистого» права на Эстонию [15]. На следующем уровне иерархии находятся различные учреждения основных юридических лиц публичного права, однако критерии отнесения к исследуемой категории отсутствуют. Следует также подчеркнуть, что на данном уровне иерархии публично-правовые лица создаются не на основании устава, а на основании закона. В Эстонии действует Закон о Тартуском университете [3], Закон об университетах [4] и другие законы, определяющие статус публично-правовых лиц, учреждаемых государством и муниципалитетами. Публично-правовыми юридическими лицами являются Эстонская касса безработных, созданная на основании Закона о страховании безработицы [6], адвокатура (на основании Закона Эстонии об адвокатуре) [7].

В данной статье была предпринята попытка в рамках современного развития концепции публичного юридического лица рассмотреть специфику данной категории в законодательстве и правовой практике некоторых государств постсоветского пространства.

Итак, при определении юридического лица публичного права в государствах постсоветского пространства законодатель опирается на наделение данного лица публично-властными полномочиями, в том числе регулятивного и надзорного характера.

В плане законодательного регулирования порядок образования, правовой статус и правовой режим деятельности юридических лиц публичного права, как показывает опыт ряда государств постсоветского пространства, должны определяться публично-правовым законодательством, что объективизирует вопросы легитимизации конструкции публичного юридического лица в отечественной юриспруденции. В этом контексте представляется обоснованной необходимость разработки закона о юридических лицах публичного права в России.

Список литературы:

1. Ведомости Сейма и Правительства Литовской Республики. 1996.
2. Закон о Больничной кассе Эстонии [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.haigekassa.ee>.
3. Закон о Тартуском университете, Парламентские Ведомости № 21, 06.03.95.
4. Закон об университетах, Парламентские Ведомости № 16, 31.01.95 № 41, 17.06.98.
5. Закон об Общей части Гражданского кодекса Эстонии. Принят 27 марта 2002 г. (RT I 2002, 35, 216) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://www.riigiteataja.ee/>.
6. Закон о страховании от безработицы. Принят 13 июня 2001 г. (RT I, 2001, 59, 359) изм. 20.RT I 2009, 11, 67, 28.01.2009.
7. Информационное агентство «Росбалт» — федеральное информационно-аналитическое агентство//[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rosbalt.ru/aboutus/http://www.rosbalt.ru/main/2012/04/06/966509.html>.
8. Литовский курьер № 43 (765) 22 Октября 2013 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://old.kurier.lt>.
9. Рагулин А.В. Регламентация профессиональных прав адвоката-защитника и их обеспечения по законодательству Республики Эстония//Евразийский юридический журнал № 12 (43) 2011.
10. Талапина Э.В. Административное права Франции сегодня //Ежегодник сравнительного правоведения М.: Норма. 2005. — С. 135—138.
11. Тарасов О.И. Юридические лица публичного права: административно-правовой аспект. М., 2013.
12. Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории: Монография// О.А. Ястребов. М.: Наука, 2010. — 305 с.
13. Cummings V. Benefit Corporations: How to Enforce a Mandate to Promote the Public Interest. Columbia Law Review April 2012: Vol. 112.
14. Harding A., Preker A. (ed.) (2000). Innovations in health care delivery: organizational reforms within the public sector. Washington D.C.: World Bank.
15. Peeter Järvelaid. Die Rezeption Kelsens und der Einfluss der Reinen Rechtslehre in Estland. Robert Walter, Clemens Jabloner, Klaus Zeleny (Ed.). Hans Kelsen anderswo — Hans Kelsen abroad: Der Einfluss der Reinen Rechtslehre auf die Rechtstheorie in verschiedenen Ländern, S. 73—88. Hans-Kelsen-Institut — Universität Wien, Austria: Manz'sche Verlags Wien (2010).
16. Remigijus Šimašius. Nevyriausybinės organizacijos: reguliavimas Lietuvoje ir Vakarų patirtis, 1999.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 19 ОТ 27.09.2012 НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ ПО ДЕЛАМ О ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Афендиков Виталий Сергеевич

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического
факультета Южного федерального университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

E-mail: afendikov.vitaly@mail.ru

TO THE ISSUE OF INFLUENCE ON JUDICIAL PRACTICE CONCERNING EXCEEDING OF NECESSARY DEFENSE LIMITS OF THE SUPREME COURT OF RUSSIAN FEDERATION PLENUM RESOLUTION № 19 DATED 27.09.2012

Vitaly Afendikov

*post-graduate student of department of criminal law and criminology,
faculty of law, Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Основной целью статьи является исследование судебных постановлений по делам о превышении пределов необходимой обороны, вынесенных после принятия Постановления Пленума ВС РФ № 19 от 27.09.2012 г. В статье приведены результаты анализа судебной практики применительно к значимым правилам указанного постанов-

ления. В итоге автор пришел к выводу о том, что фактически цели Верховного Суда РФ не достигнуты и суды по-прежнему не применяют новые разъяснения.

ABSTRACT

The main author's goal is an analysis of judicial precedents concerning exceeding of necessary defense limits passed after Resolution of Plenum of the Supreme Court of Russian Federation № 19 dated 27.09.2012. The article contains the analysis results regarding to particularly significant provisions of mentioned resolution. The author makes a conclusion, that the aim of the Supreme Court isn't achieved and courts don't apply new rules as before.

Ключевые слова: превышение пределов необходимой обороны; судебная практика; Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 г.

Keywords: exceeding of necessary defense limits; judicial practice; Resolution of Plenum of the Supreme Court of Russian Federation № 19 dated 27.09.2012.

Вот уже более года прошло с момента принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления № 19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [1] (далее — Постановление № 19), взамен Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 14 от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» [2] (далее — Постановление № 14).

По мнению автора, лейтмотив Постановления № 19 состоит в актуализации положений «морально устаревшего» Постановления № 14, которое, по-видимому, перестало применяться судами, в связи с многочисленными законодательными изменениями института необходимой обороны, несмотря на то, что, по сути, общий подход к определению пределов обороны существенных изменений не претерпел (за исключением посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия).

В.П. Степалин совершенно справедливо отметил, что в Постановлении № 19 воспроизведены многие положения, содержащиеся ранее в Постановлении № 14, и обеспечена максимальная преемственность в той его части, где старая редакция не противоречит действующему

законодательству, а данные ранее разъяснения по уголовным делам восприняты судебной практикой и наукой [4, с. 53].

В настоящей статье автор задался целью проанализировать и оценить тот эффект на судебную практику, который оказало Постановление № 19, т. е. правильность применения судами обновленных разъяснений, теперь уже содержащих ссылки на действующие нормы уголовного закона.

В качестве источника аналитического материала для настоящего исследования послужила крупнейшая в сети Интернет картотека судебных решений «РосПравосудие». В результате поиска в данной картотеке судебных постановлений, принятых в 2013 г. по ч. 1 ст. 114 УК РФ, получены следующие сведения: мировыми судьями вынесено 410 постановлений, районными судами — 27 постановлений, судами апелляционной инстанции — 19 постановлений, судами кассационной инстанции — 12 постановлений [3].

Автором проанализированы все судебные акты судов кассационной инстанции, судов апелляционной инстанции, районных судов и 10 % судебных постановлений, вынесенных мировыми судьями.

Представляется, что результаты анализа целесообразнее всего рассматривать применительно к отдельным правилам, закрепленным в Постановлении № 19.

В первую очередь, обратимся к чрезвычайно важному разъяснению, касающемуся признаков посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица. В п. 2 Постановления № 19 указано, что о наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если

с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [1].

Результаты анализа практики применения судами этих весьма точных и недвусмысленных разъяснений оказались неутешительными: в абсолютном большинстве случаев суды по непонятным для автора причинам не усматривают признаков опасности для жизни в посягательствах, где нападающий обладает оружием или предметами, используемыми в качестве такового (нож, молоток, бита и др.) или даже применяет его без достижения поставленных противоправных целей.

В общей сложности, по мнению автора, такое посягательство имело место в пяти приговорах из 41 в мировых судах, в трех приговорах из 27 в районных судах, в шести постановлениях из 19 в судах апелляционной инстанции, в одном постановлении из 12 в суде кассационной инстанции.

Однако суды признавали обороняющихся виновными в превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 114 УК РФ почти во всех случаях, где автором выявлены признаки посягательства, опасного для жизни. Лишь в двух случаях судами было установлено наличие такого посягательства, что повлекло отмену незаконного приговора (одно апелляционное постановление и одно кассационное постановление). Таким образом, автор обнаружил только два судебных акта, в которых надлежащим образом применены вышеуказанные разъяснения Постановления № 19.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что судами нарушается также и правило п. 10 Постановления № 19, согласно которому при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (часть 1 статьи 37 УК РФ), а также в случаях, предусмотренных частью 2.1 статьи 37 УК РФ, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу [1].

Далее перейдем к практике применения правил определения степени опасности посягательства, а именно, п. 13 Постановления № 19, согласно которому суды должны учитывать объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность

оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и др.) и т. д. [1].

Результаты анализа показали, что суды зачастую неправильно определяют степень общественной опасности посягательства, не уделяют должного внимания тем или иным обстоятельствам ситуации необходимой обороны и особенностям обороняющегося, что, по мнению автора, привело к принятию незаконных решений мировыми судьями в 49 % случаев, районными судами — в 12 % случаев, судами апелляционной инстанции — в 18 % случаев, судами кассационной инстанции — в 9 % случаев.

В частности, суды не «делают поправку» на способности по отражению посягательств женщинами и пожилыми людьми, на повышенную опасность посягательств, совершаемых несколькими лицами, или с применением нападающими предметов, используемых в качестве оружия, (например, инструментов, бутылок, досок и др.).

Собственно, как таковая степень общественной опасности прямо не указывается в судебных актах — фактически суды ограничиваются лишь констатацией наличия или отсутствия вреда, причиненного оборонявшемуся в результате неправомерных действий посягавшего. В ситуациях, когда такого вреда (по счастливому стечению обстоятельств) причинено не было, акцент автоматически смещается в сторону признания деяния обороняющегося эксцессом обороны, т. е. угроза причинения вреда по необъяснимым причинам не оценивается.

Это, в свою очередь, прямо противоречит п. 14 Постановления № 19, в котором закреплено, что действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства [1].

В итоге, в некоторых судебных актах суды приходят к совершенно абсурдным выводам, признавая превышением пределов необходимой обороны причинение тяжкого вреда здоровью посягающего в результате нанесения обороняющимся одного удара ножом в ответ на применение молотка, отвертки, монтировки или опять-таки ножа. Такие выводы были обнаружены автором в трех приговорах из 41, вынесенных мировыми судьями, и двух постановлениях судов апелляционной инстанции из 19.

В этой связи нельзя не согласиться с И.А. Таракановым, который также указывает на нелепость «механического» подхода к определению пределов допустимого вреда, отмечая, что данная трактовка

означает обязать оборонявшегося не использовать пистолет или нож в ситуации, когда преступник пытается его задушить [5, с. 69].

В абсолютном большинстве случаев суды нарушают правило п. 13 Постановления № 19, аналогичное по содержанию п. 8 Постановления № 14, в котором строго закреплена обязанность суда обосновать в приговоре свой вывод о превышении пределов необходимой обороны со ссылкой на конкретные установленные по делу обстоятельства, свидетельствующие о явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства [1]. Надлежащее обоснование приговора встретилось автору всего в двух судебных актах из общего числа проанализированных.

Далее обратим внимание на практику применения п. 8 Постановления № 19, устанавливающего, что переход оружия или других предметов, использованных в качестве оружия при посягательстве, от посягавшего лица к оборонявшемуся лицу сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа посягавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства [1].

В ходе анализа автором было выявлено несколько случаев перехода оружия к оборонявшемуся – один судебный акт мирового судьи, два судебных акта районных судов и три судебных постановления судов апелляционной инстанции. Во всех этих случаях действия обороняющегося автоматически признавались превышением пределов необходимой обороны, хотя, с учетом всех обстоятельств нападения суды должны были сделать противоположные выводы.

В качестве вывода приведем один красноречивый факт: из 99 проанализированных судебных актов, ссылка на положения Постановления № 19 содержалась только в одном — постановлении суда апелляционной инстанции, отменившем незаконный приговор. По мнению автора, это наглядно показывает, что суды по-прежнему не применяют на практике разъяснения высшей судебной инстанции. Почему, остается загадкой.

Список литературы:

1. Интернет-портал «Российской газеты» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://www.rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (дата обращения: 15.01.2014).
2. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107354/ (дата обращения: 15.01.2014).

3. РосПравосудие // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:https://rospravosudie.com/jurisdiction-fed/vidpr-ugolovnoe/date_from-2013-01-01/date_to-2014-02-24/category-114-ch-1-s/ (дата обращения: 01.02.2014).
4. Степалин В.П. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ о необходимой обороне // Уголовный процесс. — 2012. — № 11. — С. 52—59.
5. Тараканов И.А. Предел необходимой обороны как элемент предела доказывания // Вестник Владимирского юридического института. — 2006. — № 1. — С. 68—71.

ВЫЯВЛЕНИЕ КРИМИНОГЕННЫХ ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

Кочева Татьяна Васильевна

*магистрант НАЧОУ ВПО СГА, направление подготовки:
Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза,
теория оперативно-розыскной деятельности,*

РФ, г. Поронайск

E-mail: kocheva_72@mail.ru

IDENTIFICATION OF CRIMINOGENIC FACTORS CONTRIBUTING TO HOME BURGLARIES

Tatiana Kocheva

*master's degree student of State-Accredited Higher Educational Institution
“The Modern University for the Humanities”, Major: Criminal Trial,
Criminalistics and Forensic Enquiry, Theory of Operational Investigations,
Russia, Poronaysk*

АННОТАЦИЯ

Целью исследования являются факторы совершения квартирных краж на основе анализа законодательства РФ в сфере уголовного судопроизводства. Среди методов исследования применялись формально-логические, криминалистические, социологические. Результатом явилось создание криминалистической методики противодействия общеуголовной преступности. Выводы свидетель-

ствуют о том, что криминогенные факторы, благоприятствующие совершению квартирных краж, определены социальными негативными процессами в стране. Методика снизит рост квартирных краж путем проведения социальных и правовых работ по их предотвращению.

ABSTRACT

The research is aimed at factors of home burglaries on the basis of analysis of the Russian Federation legislation in the field of criminal proceedings. The used research methods are formal, criminalistical and sociological methods. As a result a criminalistical methodology for countering common criminality has been created. Findings prove that criminogenic factors contributing to home burglaries are determined by social negative processes in the country. The methodology will lower the growth of home burglaries by conducting social and legal works for its prevention.

Ключевые слова: криминогенные факторы; квартирная кража.

Keywords: criminogenic factors; home burglary.

Среди большого разнообразия причин возникновения преступности нет возможности назвать какую-либо конкретную, избежав или нейтрализовав которую, следует рассчитывать на значительное снижение уровня квартирных краж. Основополагающую роль в борьбе с корыстной преступностью по делам о квартирных кражах имеет общее оздоровление экономической, социальной, а также политической обстановки в России. Анализ всей преступности или отдельных ее элементов, преступной личности имеет огромное теоретическое значение и практическую направленность. Вместе с таким анализом необходимо исследовать вопросы, напрямую связанные с изучением факторов, которые определяют и обуславливают существование преступности. Вследствие этого проблема происхождения детерминант, способствующих совершению квартирных краж, является центральной для криминалистики.

Исходя из анализа криминогенных факторов, способствующих совершению квартирных краж, современная криминалистическая наука предполагает разработку криминалистических средств, позволяющих их предотвратить.

Причины и условия, способствующие совершению квартирных краж, относительно криминалистической науки могут быть классифицированы на две подгруппы: сдерживающие и стимулирующие. При этом каждая подгруппа факторов включает большое количество внутренних составляющих, имеющих экономическое, правовое, социальное и прочего рода основание [2, с. 54].

Анализ и обобщение следственной практики Поронайского района Сахалинской области дают возможность сделать вывод, что в общем объеме причин и условий, специфичных для совершения квартирных краж, следует выделять две группы криминогенных факторов:

1. Первая группа — это факторы, под влиянием которых у лица, совершившего квартирную кражу, развилась антиобщественная установка и криминогенная направленность в стиле и образе жизни. К таким обстоятельствам необходимо отнести следующие:

- неудержимое стремление к паразитическому образу жизни отдельных категорий граждан (ранее судимых или личностей с нарушениями нравственного сознания), которое выражается в излишнем удовлетворении своих материальных нужд и потребностей путем обогащения за счет чужого труда, путем завладения личного имущества, приобретенного трудом законопослушных граждан;

- провоцирование, деморализующее влияние антиобщественных и преступных элементов, на граждан, не имеющих в моральном отношении стойкой жизненной позиции. В данном случае проявляется намерение вовлечения таких категорий граждан в сферу преступной деятельности, образования и пополнения (обновления) воровских групп из числа молодых людей, не зарегистрированных на специальном учете в органах полиции;

- недостаток должного внимания со стороны членов семьи, заинтересованных социальных организаций и формирований, в т. ч. ОВД на факты девиантного поведения со стороны конкретных лиц (молодежных групп), слабой организации повседневного быта (а в г. Поронайске — отсутствие таковой) и досуга подростков;

- пробелы и дефекты в ведении современной политики, экономики и социальной сфер Сахалинской области в частности, которые приводят к оскудению большей части населения как в материальном, так и в нравственном отношениях, и др.

Перечисленные криминогенные факторы, относящиеся к первой группе криминалистической классификации — одни из наиболее часто доказанных при возникновении корыстных преступных намерений, при совершении квартирных краж. Именно эти обстоятельства в основном побуждают к совершению данного вида преступлений. Факторы первой группы считаются одними из самых легких приемов скорого обогащения и благополучного обеспеченного существования.

Граждане, у которых еще не сформировались устойчивые моральные принципы, предоставленные в общей сложности самим себе, не знают чем заполнить свое свободное время. Молодежь

смотрит антисоциальные фильмы не только дома, но и в любых других местах (имея сотовый телефон, планшет), играет в психологически разрушающие личность компьютерные игры. Со временем такая категория граждан приобщается к совершению правонарушений, начиная с малых краж (воровство предметов одежды в раздевалках, продукты с витрин супермаркетов, денег и компьютерной техники у сверстников или младших возрастных групп). Если совершенные деяния вовремя не пресекаются, то у молодых людей формируется чувство безнаказанности за содеянные «проступки», что может повлечь за собой совершение более крупных краж, уже с проникновением в жилище. В таких условиях на молодежь оказывает разрушающее личностное влияние знакомство с ранее судимыми за квартирные кражи лицами. Профессиональные воров (особенно неоднократно побывавшие в местах лишения свободы) не приспособлены к ведению естественного законопослушного образа жизни, потому в скором времени снова возобновляют преступную деятельность, выходя на кражи. Они организуют и подготавливают по своему примеру группу единомышленников (сообщников), выслеживая объекты и анализируя предметы будущих преступных посягательств, а затем совершают серию краж из квартир или иные общеуголовные преступления [7, с. 115].

2. Вторая группа — это криминогенные факторы, при наличии которых появляется реальная возможность совершения одной или нескольких квартирных краж без особых усилий. В числе обстоятельств второй группы, вследствие которых сравнительно легко становится возможным совершить преступное деяние, чаще всего выступают:

- простота сборки металлоконструкций входных дверей и уязвимость современных запирающих дверных и оконных устройств, которые устанавливают не только отечественные строители, но и гастарбайтеры из ближнего зарубежья в жилых домах (быстро, дешево и сомнительного качества). Установленные при строительстве в советские времена двери и окна не представляют значительных преград для квартирных воров по следующим причинам: двери открываются во внутрь помещения; описываемые входные двери не отличаются от межкомнатных (сделаны из тонких реек, обклеены ДВП или оргалитом, отсутствует центровое усиление установленных замков). Такое сочетание благоприятствует тому, что советские входные двери может открыть даже подросток, не имея воровского опыта и специального оборудования. Так же граждане приобретают металлические двери импортного производства (Китай), считая,

что железо способно защитить их от квартирных краж. Как показывает Сахалинская практика, такие двери очень просто вскрываются обычной отверткой по способу вскрытия консервной банки. Многие соотечественники даже не подозревают, что на Российский рынок попадают металлические двери, которые в стране-производителе используются как межкомнатные (для офисов и торговых центров с охраной);

- ошибки в действиях и поступках самих жильцов или квартиросъемщиков, которые создают обстановку, упрощающую осуществление преступных намерений вора. Это проявляется в аморальном поведении, излишней наивности и неприязнательности к новым знакомым или посторонним лицам, посетившим их жилище;

- невозможность для большинства желающих собственников жилья установить в домах жилого фонда специальные наблюдательные посты с наймом неработающей категории граждан (свободных домохозяек, подростков на время летних каникул, пенсионеров) в связи с отсутствием свободного места под строительство вахты, а также скудость на приобретение кодовых замков или дверей с домофонами, которые помогут ограничить легкодоступность входа в подъезд для посторонних лиц. Квартирные воры при этом не отстают в сообразительности, пытаются везде найти лазейки. Циферблат кодового замка, установленного на дверь подъезда, со временем оставляет на себе отпечатки кода (стираются часто нажимаемые кнопки), что облегчает доступ в подъезд. Воры обзывают квартиры и попадают в подъезд под видом почтальона или работников специальных служб (сантехник, электрик и т. д.), если кодовый замок электронный, уже зная при этом, кого из соседей нет дома, поскольку на звонок никто не ответил.

Подводя итог весомости выявления вышеперечисленных групп криминогенных факторов, способствующих развитию у виновных воровской направленности и совершению квартирных краж, оснований возникновения преступных намерений, следует сделать определенный вывод. Необходимо обстоятельства, которые приводят человека к общеуголовной преступности, сделать гуманными, при этом в первую очередь следует выявить конкретные причины и условия, которые критически влияют на антиобщественную (антисоциальную) установку и девиантность поведения человека, приведшие его к совершению преступления.

Следователь и дознаватель, прокурор и суд в обязательном для каждого порядке должны устанавливать меры для выяснения и выявления криминогенных факторов, способствующих совершению

квартирных краж. Вследствие этого, при производстве расследования и проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о квартирных кражах, требуется не только определить и разоблачить преступника, но и:

- установить факторы, которые поспособствовали развитию антиобщественных принципов и воровских привычек лица, совершившего квартирную кражу;
- раскрывать обстоятельства, которые смогут предотвратить изменение таких взглядов, принципов и привычек в преступный умысел [6, с. 73].

Для определения обстоятельств, которые ведут к созданию и развитию антиобщественных (антисоциальных) принципов и воровских привычек необходимо проводить анализ личности преступника, его образа и стиля жизни, поведение на работе и в быту. Желательно исследовать как можно больше информации и сведений о прошлом криминальных лиц. Для поиска соучастников совершенной квартирной кражи и выявления роли каждого из них в содеянном преступлении, следует устанавливать, у кого преступник в последнее время находился и проводил «досуг», с кем и где проживал, работал. На данном этапе следует определять характер и степень влияния соучастников на поведение анализируемого лица.

Определенную информацию о стиле и образе жизни лица, совершившего квартирную кражу, его поведении, привычках и принципах, а также взаимоотношениях (психологической и эмоциональной связи) с окружающими и лицами, негативно влиявших на его личность и стереотипы, можно получить от членов семьи преступника, его родственников, друзей, коллег по работе [1]. Также необходимо исследовать характеристики с места работы (учебы), принятые в личное дело обвиняемого по запросу следователя, справки о приводах в полицию, вытрезвитель, приговоры о ранней судимости, выписки из дел административного надзора и т. д.

Криминогенные факторы, создавшие подходящие для преступника обстоятельства для разработки «сценария» и совершения собственно квартирной кражи, выясняются и анализируются параллельно с определением места, времени и способа ее совершения.

Область исследования существенных причин и условий различна по каждой краже из квартир и обуславливается определенными индивидуальными особенностями этих обстоятельств. Общие вопросы, требующие точных ответов должны быть следующими:

- почему преступник совершил кражу именно в этой квартире, этой комнате, в этом месте?

- почему квартирная кража совершена в данное время суток, определенный день недели, дату?
- почему кража совершена именно этим способом проникновения?
- какие неблагоприятные для потерпевших факторы преступник взял на вооружение при совершении квартирной кражи?
- какие положительные явления поспособствовали преступлению?

Также четкие выводы о криминогенных факторах, способствующих совершению квартирной кражи, можно почерпнуть при разоблачении и постановки на оперативно-розыскной учет лиц, чей стиль и образ жизни только предполагает наличие антиобщественной (антисоциальной) установки.

Эту задачу просто решить с помощью доверенных подозреваемому лиц, с помощью которых определяются личностное отношение его к закону, трудовым и общественным обязанностям и пр. Необходимо выявлять в состоянии ли такая категория граждан самостоятельно пересилить действие кризисных обстоятельств на их личность. Это позволит не только определить причины и условия, которые содействуют искаженному образу жизни, но и выработать методику устранения и профилактики криминогенных факторов [4, с. 86].

К криминогенным факторам, определяющим, что квартирная кража — одно из наиболее часто встречаемых видов уголовных преступлений на Сахалине можно отнести:

1. Экономические — снижение общего жизненного уровня граждан маленьких городов острова и поселков городского типа, низкий уровень занятости населения, задержка с выплатой зарплаты (как частных, так и государственных служащих) и на этом фоне рост сети частных построек у состоятельных слоев населения.

2. Психологические — низкий уровень социальной защиты населения, рост процента неимущих и малоимущих граждан, потенциально готовых при сохранении отрицательной тенденции в будущем к совершению квартирных краж и не только.

3. Поскольку уголовная ответственность за совершение кражи наступает при достижении виновным четырнадцатилетнего возраста, число молодых преступников стремительно растет. Не осознавая реальных правовых последствий совершения квартирных краж, лица, не достигшие четырнадцати лет, даже после разъяснительных бесед с сотрудниками отдела по делам несовершеннолетних продолжают вести преступную деятельность.

4. Легкий «заработок», желание жить «без забот».

5. Не маловажную роль в создании криминогенных факторов играет воспитание родителей (пьющие родители с ранних лет подталкивают детей на добычу себе еды и средств воровством). Плохая семья является хорошей школой преступности, но и отсутствие ее, беспризорность и плохие товарищи также направляют личность на преступную дорогу.

6. Огромное влияние также оказывают: голод, экономический фактор; наркотики, алкоголизм.

7. Готовность к паразитическому образу жизни, влияние преступных и других антиобщественных (антисоциальных) элементов [5, с. 253].

Последний фактор является одним из наиболее устойчивых положений в корыстных намерениях, что чаще всего подталкивает граждан на совершение краж личного имущества. Влияние преступных элементов как, упоминалось ранее, выражается в тяге вовлечь в преступную деятельность новых лиц в качестве соучастников и организовать преступные группы.

Отдельную группу причин, которые формируют благоприятные обстоятельства для совершения квартирных краж, образуют дефекты (сознательные ошибки) в деятельности правоохранительных органов по предупреждению квартирных краж: несвоевременность возбуждения уголовных дел, неполнота расследования квартирных краж; недостаточная активность ППС, ОВД, прокуратуры [3, с. 20]. Таким образом, низкий уровень профессиональной спецподготовки правоохранительных органов, отсутствие у следователей собственной криминалистической методики определения и профилактики криминогенных факторов, способствующих совершению квартирных краж, создают благоприятные условия для роста преступности. Ежегодному росту числа зарегистрированных квартирных краж также способствует неосмотрительность самих потерпевших, их провокационные действия.

Список литературы:

1. Бюллетень Сахалинского областного суда за 1 квартал 2011 г. Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://poronaiskiy.sah.sudrf.ru/modules.php?name=documsud&rid>. (Дата обращения 20.02.14).
2. Гуров А.И. Предупреждение и раскрытие краж из квартир / А.И. Гуров. М.: Наука, 2012. — 110 с.

3. Зюзина М.В. Типичные ошибки, допускаемые при расследовании квартирных краж / М.В. Зюзина// Проблемы правоождения: Сборник научных статей молодых ученых юридического факультета, — 2011. — № 6. — С. 20.
4. Космодемьянская Е.Е. Вопросы практики расследования краж чужого имущества / Е.Е. Космодемьянская // Совершенствование следственной и экспертной практики. Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. М.: Юристъ, 2013. — С. 86.
5. Криминалистика: Учебник / под ред. Ю.Г. Корухова, В.Г. Коломацкого. М.: Бек, 2012. — 410 с.
6. Лозовский Д.Н. Метод мысленного моделирования в криминалистике / диссерт. к.ю.н. Д.Н. Лозовского. М.: К-Пресс, 2012. — 150 с.
7. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / под ред. Н.Г. Павлова. Саратов: Саратовский университет, 2013. — 288 с.

СЕКЦИЯ 3.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КОРРУПЦИЯ

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент РГГУ,

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

MALFEASANCE AND CORRUPTION

Lybove Andreeva

candidate of juridical sciences, associate professor

of Russian State Humanitarian University,

Russia, Veliky Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам квалификации должностных преступлений как коррупционных преступлений. Рискам, связанным с отдельными видами долженствования, действиями должностного лица, направленными на совершение коррупционных преступлений. В результате анализа федерального законодательства, автор предлагает нормы и механизмы по предупреждению должностных преступлений.

ABSTRACT

The article investigates the qualifications of malfeasance as corruption offenses. Risks associated with certain types of malfeasance, official actions aimed at corruption crimes. An analysis of federal legislation, the author proposes norms and mechanisms for the prevention of malfeasance.

Ключевые слова: преступление; коррупция; должностное положение; взятка; превышение должностного положения; злоупотребление служебным положением.

Keywords: crime; corruption; official; bribery; abuse of official position; malpractice.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ, коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [5]. Совершение вышеуказанных деяний, от имени или в интересах юридического лица.

Злоупотребление может быть одной из форм коррупции (одним из преступных деяний должностного лица или группы лиц), но не исчерпывает всей полноты определения коррупции.

Из определения следует, что признаками коррупционного преступления являются:

1. непосредственное нанесение ущерба авторитету публичной службы (государственной службы, службы в органах местного самоуправления, непосредственному исполнению функций органов государственной власти), а также непубличной службы (службы в коммерческих и иных организациях). Опосредованно такой ущерб могут причинять любые преступления;

2. незаконный (противоправный) характер получаемых государственным (муниципальным) служащим или иным публичным служащим, либо служащим коммерческой или иной организации преимуществ (имущества, услуг или льгот);

3. использование виновным своего служебного положения вопреки интересам службы;

4. наличие у виновного умысла на совершение действий (акта бездействия), объективно причиняющих ущерб интересам — публичной или непубличной службы;

5. наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности (последняя может носить и неимущественный характер).

6. специфичность субъектов совершения преступлений. Коррупционные преступления совершают не только должностные лица, но и иные государственные, муниципальные служащие, служащие коммерческих или иных негосударственных структур. В качестве же подкупающих выступают любые физические и юридические лица;

7. несводимость коррупционной преступности к совокупности лишь должностных преступлений;

8. повышенная общественная опасность [1].

К преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния только при наличии всех перечисленных ниже критериев:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечании к статье 285 Уголовного кодекса РФ (Должностными лицами в статьях главы 30 Уголовного кодекса РФ признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Под лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Под лицами, занимающими государственные должности субъектов РФ, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов), лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой и иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечании к статье 201 Уголовного кодекса РФ;

- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
- совершения преступления с только прямым умыслом.

Исключением являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

В настоящее время на законодательном уровне не определено какие именно преступления могут быть отнесены к числу коррупционных.

Для устранения данного пробела, в целях оптимизации подготовки статистической отчетности в сфере противодействия коррупции совместным Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30.04.2010 № 187/862[6] были внесены изменения в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности. Указанием введен новый раздел, который закрепил перечень статей Уголовного кодекса РФ, относящихся к преступлениям коррупционной направленности. В связи с этим удалось выработать единый механизм формирования статистической отчетности в отношении преступлений коррупционной направленности.

Данный перечень был скорректирован Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» от 15.02.2012 № 52-11/2[7]. В настоящее время Указание от 15.02.2012 № 52-11/2 является основным межведомственным нормативным документом, определяющим какие именно составы преступлений могут быть отнесены к числу коррупционных, и могло быть принято за основу для квалификации преступлений в УК РФ.

Целесообразно для полноты рассмотрения исследуемого вопроса раскрыть перечень коррупционных преступлений, опираясь на ведомственные акты Генеральной прокуратуры РФ и Министерства

Внутренних Дел РФ, в том числе на Указания Генеральной прокуратуры и МВД РФ от 15 февраля 2012 года № 52-11/2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [7] и на Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 30.04.2010 № 187/862 «О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» [6].

Перечень коррупционных преступлений — это относительно полный список всех уголовно-наказуемых деяний, отнесенных законодательными или правоприменительными органами к коррупционным. Коррупционные преступления бывают двух видов: совершенные в форме подкупа и иные коррупционные преступления [9].

С учетом вышеизложенных Указаний Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ, к коррупционным преступлениям относятся те, ответственность за которые предусматривается Уголовным кодексом РФ:

1. Преступления, относящиеся к перечню без каких-либо условий: статья 141.1; статьи 184; статья 204; п. «а» части 2 статьи 226.1; п. «б» части 2 статьи 229.1; статья 289; статья 290; статья 291; статья 291.1 Уголовного кодекса РФ.

2. Преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных условий:

2.1. Преступления, относящиеся к перечню при наличии отметки о его коррупционной направленности: статья 174; статья 174.1; статья 175; часть 3 статьи 210 Уголовного кодекса РФ.

2.2. Преступления, относящиеся к перечню в соответствии с международными актами: статья 294; статья 295; статья 296; статья 302; статья 307; статья 309 Уголовного кодекса РФ.

2.3. Преступления, относящиеся к перечню при наличии корыстных мотивов: пп. «а» и «б» части 2 статьи 141; часть 2 статьи 142; статья 170; статья 201; статья 202; статья 285; статья 285.1; статья 285.2; статья 285.3; статья 286 за исключением п.п. «а», «б» части 3; статья 292; статья 305 Уголовного кодекса РФ.

2.4. Преступления, относящиеся к перечню при наличии сведений о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации: п. «в» части 3 статьи 226; часть 3 статьи 226.1; п. «б» части 4 статьи 228.1; часть 2 статьи 228.2; п. «б» части 2 статьи 228.4; п. «в» части 2 статьи 229 УК РФ; п. «б» части 2 статьи 229.1 Уголовного кодекса РФ.

2.5. Преступления, относящиеся к перечню при наличии сведений о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации и с корыстным мотивом: части 3 и 4 статьи 183 Уголовного кодекса РФ.

2.6. Преступления, относящиеся к перечню при наличии сведений о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения: части 3, 4 статьи 159; части 3,4 статьи 159.1; части 3,4 статьи 159.2; части 3,4 статьи 159.3; части 3,4 статьи 159.5; части 3,4 статьи 159.6; части 3,4 статьи 160 Уголовного кодекса РФ.

Преступлениями коррупционного характера являются предусмотренные уголовным законодательством общественно опасные деяния, которые непосредственно посягают на авторитет и законные интересы службы и выражаются в противоправном получении государственным, муниципальным служащим либо служащим коммерческой или иной организации каких-либо преимуществ (денег, имущества, прав на него, услуг или льгот) либо в предоставлении им таких преимуществ [2].

Основным отличительным признаком коррупционных преступлений является то, что они совершаются из корыстных побуждений вопреки интересам службы, с использованием при этом полномочий, которыми должностное лицо или служащий наделены в связи с занимаемой должностью.

Особенностью объективной стороны коррупционных преступлений является то, что они совершаются путем использования лицом имеющихся у него служебных полномочий или в связи с занимаемой им должностью [1].

Обязательным признаком объективной стороны большинства коррупционных преступлений являются активные действия. За исключением статей 285 и 286 Уголовного кодекса РФ, которые могут быть совершены, как путем совершения действия, так и путем бездействия [4].

Субъектами преступлений коррупционной направленности в большинстве случаев являются должностные лица, за исключением дачи взятки (статья 291 Уголовного кодекса РФ) и посредничества во взяточничестве (статья 291¹ Уголовного кодекса РФ), где предусмотрен общий субъект преступления.

С субъективной стороны все коррупционные преступления характеризуются виной, которая выражается в форме умысла. Причем для формальных составов характерен лишь прямой умысел (статьи 285¹, 289—292 Уголовного кодекса РФ), в материальных составах умысел может быть как прямым, так и косвенным (статьи 285, 286 Уголовного кодекса РФ).

В некоторых составах преступлений в качестве обязательных признаков закон предусматривает определенные мотивы и цели. Обязательным признаком злоупотребления должностными полномочиями (статья 285 Уголовного кодекса РФ) и служебного подлога (статья 292 Уголовного кодекса РФ) является мотив корыстной или иной личной заинтересованности[1].

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 [8] «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями, отнесено к коррупции. Пленум обращает внимание на направленность уголовной ответственности за преступления против интересов государственной службы на обеспечение защиты граждан от коррупции и других общественно опасных деяний, совершенных должностными лицами по службе. Лица, злоупотребляющие должностными полномочиями либо превышающие свои должностные полномочия, посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства [8].

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [7], указывается:

корыстная заинтересованность — это стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот,

кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.);

иная личная заинтересованность — это стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в соответствии с совместным Указанием Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 15.02.2012 № 52-11/2 [7] одним из обязательных условий отнесения преступления к числу коррупционных является наличие именно корыстной мотивации, а при совершении преступления (например, злоупотребление должностными полномочиями) из иной личной заинтересованности (карьерные устремления, дружеское расположение) — оно не относится к перечню коррупционных преступлений.

Таким образом, коррупционная преступность — это целостная, относительно массовая совокупность преступлений (и лиц, их совершивших), посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, выражающихся в незаконном получении (и предоставлении) материальных или иных благ и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных, муниципальных функций или служебных функций в коммерческих и иных негосударственных структурах [3].

Законодателем превышение должностных полномочий напрямую не включено в термин коррупция трактуемый в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ [5], и лишь косвенно затронуто в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. [8] и Указаниях Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ, а норма статьи 286 Уголовного кодекса РФ не предусматривает наличие корыстной и иной личной заинтересованности, все же учитывая общественную опасность совершенного деяния, последствия от совершенного деяния, субъект преступления, и опираясь на судебную практику, при наличии в действиях должностного лица корыстной и иной личной заинтересованности, превышение должностных полномочий можно отнести к коррупционным преступлениям.

Список литературы:

1. Илий С.К. Коррупционные преступления / С.К. Илий. М.: Статус, 2012. — С. 2.
2. Крюков В.В. К вопросу о криминалистической характеристике должностных преступлений коррупционной направленности // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы / В.В. Крюков. М.: Академия управления МВД России. 2010. — С. 10.
3. Крюков В.В. Возбуждение уголовного дела о должностных преступлениях коррупционной направленности // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы / В.В. Крюков. М.: Академия управления МВД России. 2010. — С. 64.
4. Малков В.Д. Криминология / В.Д. Малков. М.: Инфра-М Контракт, 2011. — С. 412.
5. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп. вступившими в силу с 30 сент. 2013 г.)// [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru> Дата доступа: 18.02.2014.
6. О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности: указание Ген. прокуратуры РФ и МВД РФ от 30 апр. 2010 г. № 187/862. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru>. Дата доступа: 18.02.2014.
7. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Ген. прокуратуры РФ и МВД РФ от 15 февр. 2012 г. № 52-11/2. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru>. Дата доступа: 18.02.2014.
8. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. № 207.
9. Чирков Д.К. Коррупция и антикоррупционная политика / Чирков Д.К. М. Академия экономической безопасности МВД РФ. 2010. — С. 65—67.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА (КОРРУПЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент РГГУ,

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

THE PROBLEMS OF QUALIFICATION OF BRIBERY (CORRUPTION ASPECT)

Lybove Andreeva

candidate of juridical sciences, associate professor

of Russian State Humanitarian University,

Russia, Veliky Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам квалификации взяточничества, вопросам, требующим разъяснения в связи с изменениями, произошедшими в социальной и законодательной оценке взяточничества. Автор рассматривает вопросы о разграничении единого умысла на совершение одного преступления, выражающегося в нескольких эпизодах, и умысла на совершение нескольких самостоятельных и завершенных эпизодов получения различных взяток. Выводы и предложения направлены на совершенствование уголовного законодательства по противодействию взяточничества.

ABSTRACT

The article is sanctified to the problems of qualification of bribery, questions, requiring elucidation in connection with changes happening in the social and legislative estimation of bribery. An author examines questions about differentiation of single intention on the commission of one crime expressed in a few episodes, and intention, on the feasance of a few independent and completed episodes of receipt of different grafts. Conclusions and suggestions are sent to perfection of criminal statute on counteraction of bribery.

Ключевые слова: взяточничество; коррупция; уголовное законодательство; умысел; преступление.

Keywords: bribery; corruption; criminal statute; intention; crime.

Преступления, объединяемые единым термином «взяточничество», представлены в настоящее время в уголовном законодательстве такими составами как получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Нередко при квалификации данных преступлений возникают вопросы, требующие разъяснения в связи с изменениями, произошедшими в социальной и законодательной оценке взяточничества.

Квалификация преступлений определяется в теории уголовного права как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, а также другими законами и (или) иными нормативными правовыми актами, ссылки на которые содержатся в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК РФ» [3].

Квалификация преступления предполагает сопоставление фактических признаков совершенного деяния с признаками составов преступлений, содержащихся в уголовном законе, с констатацией определенной юридической оценки содеянного. Поэтому рассмотрение вопросов квалификации в теоретических разработках затрагивает как первый (фактические признаки деяний), так и второй (признаки составов преступлений) компоненты данного процесса. В настоящем исследовании составы взяточничества рассматриваются именно через призму их квалификации в следственной и судебной практике.

Кроме того, правильная квалификация выделенных уголовно наказуемых деяний невозможна без осуществления их разграничения между собой и их отграничения от иных смежных составов уголовно наказуемых деяний.

Одной из наиболее актуальных проблем квалификации взяточничества, требующих теоретического осмысления, является проблема разграничения получения взятки и мошенничества.

По мнению, С.А. Бочкарева и О.В. Радченко [2], актуальность указанной проблемы, на первый взгляд, не имеет ни внешнего, ни внутреннего подтверждения. В теории уголовного права уже давно очерчен круг аргументов и контраргументов в защиту того или иного способа разграничения названных преступлений. Наряду с этим на практике наблюдается нейтральное отношение профессионального

сообщества к фактам переквалификации деяний обвиняемых со взяточничества на мошенничество. Для правоприменителей стало обычным возбуждение уголовных дел по статье 290 УК РФ, а предъявление по ним обвинения по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Многие годы суды также не видели препятствий для изменения обвинения с получения взятки на мошенничество. Как справедливо отмечает П.С. Яни [16], данная позиция правоприменительных органов противоречила позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому было предъявлено обвинение, лишь при том условии, что действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда.

Игнорирование позиции Пленума было, по мнению П.С. Яни, связано со сделанной в Пленуме оговоркой о том, что изменение обвинения недопустимо в том случае, когда при этом нарушается право подсудимого на защиту, тогда как подобного нарушения при переквалификации деяния в судебной стадии процесса со статьи 290 УК РФ на статью 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, суды не усматривали. Однако Европейский суд по правам человека усмотрел в подобных случаях нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подп. «а» и «б» п. 3 ст. 6) [6], в частности нарушение права заявителя на справедливое судебное разбирательство, в частности право быть уведомленным в деталях о существе и основаниях обвинения, выдвинутого против него, а также право иметь разумное время и возможность для подготовки своей защиты [4, 5].

Критерии для разграничения получения взятки и мошенничества приведены в пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [11]: «получение должностным лицом ценностей за совершение действий (бездействие), которые входят в его полномочия либо которые оно могло совершить с использованием служебного положения, следует квалифицировать как получение взятки вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие).

В том случае, если указанное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения».

Использование служебного положения разграничивается с использованием служебных полномочий в двух аспектах [16]. В одном аспекте различие состоит в том, что, даже когда должностным лицом совершаются действия, состоящие в способствовании совершению законных действий другим должностным лицом, имеет место не реализация служебных полномочий, а использование служебного положения. В другом же аспекте использование служебного положения противопоставляется совершению действий, входящих в служебные полномочия, когда служебное положение используется: для совершения незаконных действий по службе лично должностным лицом, а также для способствования совершению незаконных действий другим должностным лицом.

Из этого следует, что как мошенничество расценивается принятие должностным лицом ценностей, когда этот чиновник ложными уверениями, действиями либо путем умолчания ввел передающее ему ценности лицо в заблуждение относительно того, что он обладает полномочиями, которые может использовать для совершения в пользу указанного лица законных действий, то есть для совершения действий, входящих в его служебные полномочия; либо может фактически, используя служебное положение, совершить за взятку незаконные действия по службе; либо занимает должность, значимость и авторитет которой позволят ему способствовать совершению желательных для передавшего ценности лица законных или незаконных действий по службе другим должностным лицом.

Кроме того, как мошенничество также следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего ценности в свою пользу. Владелец же переданных ему ценностей в указанном случае несет ответственность за покушение на дачу взятки (п. 24 Постановления Пленума ВС РФ от 09.09.2013 № 24) [11].

Среди множества вопросов, связанных с квалификацией взяточничества, немаловажное значение имеет разграничение единого умысла на совершение одного преступления, выражающегося

в нескольких эпизодах, и умысла на совершение нескольких самостоятельных и завершенных эпизодов получения различных взяток.

В теории уголовного права достаточно глубоко разработаны понятие и содержание преступления как единого и как продолжаемого акта девиантного поведения. При этом общепринято считать, что продолжаемое преступление состоит из нескольких деяний, объединенных относительно небольшим промежутком времени, единым и сходным способом совершения преступных актов, а самое главное, единым умыслом и целью [3].

Н.Ф. Кузнецова указывает, что «... получение взятки по частям, кража понемногу строительного материала для возведения дачи — все это виды единого продолжаемого преступления... Продолжаемое преступление квалифицируется по статье или части Уголовного кодекса как единое сложное преступление, этапы совершения которого хотя внешне и схожи с самостоятельными оконченными преступлениями, таковыми не являются. Продолжаемое преступление признается оконченным до достижения запланированной цели» [10].

На практике нередки случаи, когда лицом совершается не одно, а несколько однородных преступлений, то есть имеет место множественность преступлений в форме совокупности либо совершается единое сложное (продолжаемое) преступление, характеризующееся тем, что образует один состав преступления, действия виновного при этом квалифицируются по одной статье Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой тождественные деяния, направленные к одной цели и объединенные единым умыслом [7].

Вместе с тем, как отмечает М.А. Подгрушный, в отдельных случаях искусственное сложение однообразных преступных актов в единое преступление может привести к ухудшению положения виновного лица [12].

В некоторых комментариях к Уголовному кодексу Российской Федерации отмечается, что при получении должностным лицом нескольких взяток имеет место совокупность преступлений, каждое преступление должно быть квалифицировано самостоятельно (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Совокупность преступлений образуют случаи одновременного получения должностным лицом взяток от нескольких лиц, если в отношении каждого из взяткодателей совершается (должно быть совершено) отдельное действие. При этом отдельные действия в отношении каждого из взяткодателей могут быть одинаковыми по своему фактическому содержанию (например, назначение наказания, не связанного с лишением свободы, каждому из взяткодателей). От совокупности преступлений необходимо отличать единое

продолжаемое преступление, когда взятка передается в несколько приемов за выполнение или невыполнение действий, обеспечивающих наступление желаемого для взяткодателя результата. Единым продолжаемым преступлением следует считать также систематическое получение материальных ценностей или выгод от одних и тех же взяткодателей за общее покровительство или попустительство им по службе [8]. Подобное утверждение, по мнению автора, несколько противоречиво. Основной его аргумент состоит в количественном показателе (числе дающих взятку), то есть в объективном критерии. Однако не всегда это обстоятельство может являться основой разграничения совокупности и единого преступления. Например, несколько лиц, имея общий интерес, передают взятку одному и тому же лицу, умысел которого направлен на получение всей суммы от всех лиц на решение одного и того же вопроса.

Авторы другого комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации отмечают, что при систематической передаче ценностей и оказании услуг имущественного характера должностному лицу за общее покровительство или попустительство по службе суду надлежит установить, не объединены ли эти деяния единым умыслом взяткодателя. При отсутствии признаков совокупности преступлений такие действия следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление [9]. Высшая судебная инстанция, устанавливая единообразие в применении судебной практики по делам о взяточничестве, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [11], указывает, что систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены одним умыслом, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление. Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка получена или передана от нескольких лиц, но за совершение одного действия (бездействие) в общих интересах этих лиц.

Не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом совершается отдельное действие (бездействие). Содеянное, при таких обстоятельствах, образует совокупность преступлений.

Если общая стоимость полученных должностным лицом имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера

превышает 25 тысяч рублей, 150 тысяч рублей либо 1 миллион рублей, то содеянное может быть квалифицировано как получение взятки соответственно в значительном, крупном и особо крупном размере лишь в том случае, когда принятие всех ценностей представляло собой эпизоды единого продолжаемого преступления (п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 [11]).

Как справедливо отмечает М.А. Подгрушный [12], при квалификации совокупности эпизодов взяточничества необходимо не только руководствоваться разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но и оценивать в каждом конкретном случае жизненной реальности действия взяткополучателя, учитывая как объективный критерий (несколько эпизодов преступной деятельности, их однотипность, незначительный промежуток времени, место, способ и пр.), так и субъективный — направленность умысла на единое преступление.

Федеральным законом от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Поддерживая данное законодательное решение, К.В. Чашин отмечает, что «включение в уголовное законодательство этой уголовно-правовой нормы породило ряд квалификационных проблем, требующих теоретического анализа» [15].

Одной из таких проблем является разграничение физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки. Описательная диспозиция части 1 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая закрепляет основной состав посредничества во взяточничестве, предусматривает две его формы, давно известные теории уголовного права и судебной практике и именуемые в литературе как «физическое» и «интеллектуальное» посредничество [14]. Проблема разграничения состоит в том, что, во-первых, и физический посредник, и взяткодатель принимают непосредственное участие в процессе вручения взятки должностному лицу-взяткополучателю с той лишь разницей, что взяткодатель дает, а посредник передает незаконное вознаграждение, во-вторых, взяткодатель, как и посредник, может не преследовать собственной пользы от тех действий (бездействия), которые должно совершить должностное лицо за взятку, а передавать последнюю в интересах других лиц. В последнем случае речь идет о весьма непростом вопросе —

отличии физического посредничества, при котором лицо действует по поручению взяткодателя, от дачи взятки, когда лицо действует в пользу представляемых им лиц.

В теории уголовного права выработаны следующие основные критерии разграничения посредника во взяточничестве и взяткодателя: «принадлежность взятки» и «принадлежность интереса».

Например, В. Борков отмечает [1], что для решения проблемы отграничения посредника от взяткодателя «в качестве первичного признака следует рассматривать интерес. У посредника мотив, как правило, корыстный, реже карьеризм, взяткодатель же непосредственно заинтересован в предательстве должностным лицом интересов власти и службы. Той же позиции придерживается И. Ткачев [13], справедливо подчеркивающий, что основным признаком, позволяющим отличить посредника от взяткодателя, выступает их интерес в совершении или несовершении должностным лицом определенных действий.

Таким образом, многие исследователи убеждены, что, в отличие о посредника, взяткодатель, даже действующий от имени представляемого им лица, всегда заинтересован в совершении взяткополучателем определенного деяния, потому именно определенное поведение должностного лица — та конечная цель, которую преследует взяткодатель при совершении преступления, предусмотренного статьей 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В данном случае следует согласиться с мнением П.С. Яни [17], выступающего с критикой приведенного выше утверждения. П.С. Яни полагает, что критерий интереса слишком неопределенным и предлагает более конкретный и значительно проще устанавливаемый критерий — принадлежность имущества, из которого передается взятка. По мнению ученого, разграничивая непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя и дачу взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взяткодателем физического либо юридического лица, следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя. В отличие от посредника взяткодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует принадлежащее ему или незаконно им приобретенное имущество в качестве предмета взятки либо для оплаты предоставляемых должностному лицу услуг имущественного характера. Имущество, переданное в качестве взятки, может быть также получено взяткодателем в долг у лица, ставшего посредником в получении либо даче взятки [17].

Р. Шарапов и М. Моисеенко обоснованно полагают [14], что физический посредник не входит в состав выгодоприобретателей, непосредственно извлекающих пользу от служебного поведения должностного лица, обусловленного взяткой. Таковыми признаются только сам взяточдатель или представляемые им лица. Не исключается иная, косвенная заинтересованность посредника в служебном поведении взяточполучателя, продиктованная мотивами семейственности, корысти и другими. Например, посредник, являющийся близким родственником взяточдателя, в силу данного обстоятельства может быть заинтересован в решении в пользу взяточдателя вопроса за взятку, либо от совершения действий (бездействия) по службе со стороны взяточполучателя будет зависеть материальное вознаграждение посредника, обещанное ему взяточдателем. Однако подобная заинтересованность физического посредника не влияет на квалификацию его действий, поскольку напрямую польза от служебного поведения должностного лица, обусловленного взяткой, в виде возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, принадлежит не посреднику, а взяточдателю или представляемому им лицу.

Физический посредник не может совмещать роль представляемого взяточдателем лица и, таким образом, преследовать личную пользу от действий (бездействия), обусловленных передаваемой взяткой, так как в таком случае он превращается во взяточдателя. Напротив, в силу части 1 статьи 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации физический посредник передает взятку по поручению взяточдателя, в том числе действующего в чужом интересе, а взяточдатель дает взятку, в том числе через посредника. Это означает, что первичным источником материального обогащения взяточполучателя является взяточдатель как владелец незаконного вознаграждения, а не посредник, для которого вознаграждение является чужим.

Таким образом, физическим посредником, передающим взятку по поручению взяточдателя, является лицо, которому передаваемый предмет взятки не принадлежит на праве собственности или в силу каких-либо других обстоятельств, и которое не преследует личной пользы в виде возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей от тех действий (бездействия) должностного лица, которые обусловлены передаваемой им взяткой. При отсутствии хотя бы одного из указанных признаков лицо, передавшее взятку взяточполучателю или его посреднику, должно признаваться не посредником, а взяточдателем. На этих взаимосвязанных поло-

жениях и основано отличие физического посредника во взяточничестве от взяткодателя.

Таким образом, выделены наиболее сложные вопросы квалификации взяточничества, вызывающие трудности и ошибки в правоприменительной деятельности, а также дискуссии в теории уголовного права, к их числу можно отнести следующие вопросы: разграничение получения взятки и мошенничества; проблемы квалификации совокупности эпизодов взяточничества; разграничение физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки. При этом остаются и другие проблемные моменты, требующие глубоко научного осмысления в рамках отдельного исследования.

Проблемы применения норм уголовного законодательства об ответственности за взяточничество в основном сводятся к трем положениям:

Во-первых, это правильное, единообразное толкование признаков соответствующих составов преступлений с учетом их взаимосвязи с иными законами, подзаконными нормативными правовыми актами и с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Во-вторых, это трудности в сопоставлении фактических признаков совершенного деяния с указанными признаками составов взяточничества.

В-третьих, это сложности, связанные с разграничением таких преступлений между собой, а также с проведением отграничения от иных, смежных с ними составов преступлений.

Список литературы:

1. Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В. Борков // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 12.
2. Бочкарев С.А., Радченко О.В. И все-таки мошенничество или взяточничество? / С.А. Бочкарев, О.В. Радченко // Законность. — 2013. — № 1. — С. 35.
3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика / Л.Д. Гаухман. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. — С. 18.
4. Дело «Селиверстов против Российской Федерации» (жалоба № 19692/02): постановление Европейского Суда по правам человека [от 25 авг. 2008 г.] // Российская юстиция. 2009. № 4.
5. Дело «Абрамян против Российской Федерации» (жалоба № 10709/02): постановление Европейского Суда по правам человека [от 9 окт. 2008 г.] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 8.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
7. Кошаева Т.О. Судебная практика по уголовным делам о краже чужого имущества / Т.О. Кошаева // Комментарий судебной практики / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юрид. литература, — 2012. — Вып. 17. — С. 225—226.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головенков и др.; под ред. А.И. Чучаева. испр., доп., перераб. М.: КОНТРАКТ, 2013. — С. 515.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.И. Булавин, В.В. Воробьев, Ю.В. Головлев др.; под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. — С. 1041.
10. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. — С. 330.
11. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. № 154. 17 июля.
12. Подгрушный М.А. Проблемы квалификации совокупности эпизодов взяточничества в теории и судебной практике / М.А. Подгрушный // Вестник Чувашиского университета. — 2013. — № 1. — С. 74.
13. Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / И. Ткачев // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 65—66.
14. Шарапов Р., Моисеенко М. Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки / Р. Шарапов, М. Моисеенко // Уголовное право. — 2013. — № 1. — С. 71.
15. Чашин К.В. Квалификация посредничества во взяточничестве при темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм / К.В. Чашин // Общество и право. — 2013. — № 1 (43). — С. 134.
16. Яни П.С. Взятка или мошенничество? / П.С. Яни // Законность. — 2012. — № 6. — С. 30—31.
17. Яни П.С. проблемы квалификации посредничества во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. — 2013. — № 2. — С. 25.

СПЕЦИФИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Гончаренко Григорий Степанович

*канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
и криминологии Ростовского юридического института
(филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: qqc@mail.ru*

SPECIFICS OF CRIMINAL AND LEGAL INFLUENCE ON CRIMES OF THE CORRUPTION ORIENTATION

Goncharenko Grigoriy Stepanovich

*PhD, docent, The docent of the chair of criminal, law and procedure
Rostov Judicial Institute (Branch) of Russian Legal Academy
of Ministry of Justice Russian Federation,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В статье автором исследуются эффективные меры уголовно-правового воздействия на преступления коррупционной направленности, приводится уголовно-правовая классификация коррупционных деяний, предлагается доктринальное определение коррупционной преступности. Особое внимание уделено внесению дополнений в УК РФ и созданию специального органа противодействия коррупции в Российской Федерации.

ABSTRACT

In article the author investigates effective measures of criminal and legal impact on crimes of a corruption orientation, criminal and legal classification of corruption acts is given, doctrinal definition of corruption crime is offered. The special attention is paid to entering of additions into the criminal code of Russian Federation and creation of special body of counteraction of corruption in the Russian Federation.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности; уголовно-правовое воздействие; коррупционная преступность; реформирование; взяточничество.

Keywords: crimes of a corruption orientation; уголовно-legal influence; corruption crime; reforming, bribery.

Коррупционная преступность как явление социальной действительности на протяжении многих лет проявляется в реальной жизни нашего общества в первую очередь в совершении ряда уголовно наказуемых деяний. Видимо этим и объясняется закономерный интерес многих ученых-юристов к исследованию проблем уголовно-правового воздействия на преступления коррупционной направленности. Хотя отдельные публикации и монографические исследования по этому вопросу носят зачастую дискуссионный или даже постановочный характер, тем не менее, необходимо обратить внимание, что даже применяемые в юридической практике специфические понятия «меры уголовно-правового воздействия», «коррупционные преступления», как, впрочем, и другие понятия до сих пор не нашли четкого законодательного закрепления [2].

Более того, в условиях бурного реформирования уголовно-правовой отрасли, постоянного, а порой и бессистемного внесения изменений в Уголовный кодекс РФ недостаточного анализа, комментария или, в лучшем случае научного прогноза, нужен системный подход и модернизация существующего механизма уголовно-правового регулирования. Что касается системного подхода, то он возможен, но только при определенных, социально обусловленных критериях правового сознания, как законодателя, так и правоприменителя и четко сформулированных основных, концептуальных понятиях и принципах современного уголовного права.

Модернизация же механизма уголовно-правового регулирования позволяет преобразовывать существующее правоприменение и предполагает инновационные изменения в этой отрасли, предусматривающее разграниченное изучение уголовного права в рамках необходимых юридических границ, проявление стратегии правовых ценностей, совершенствования правореализации. Следовательно, реформирование национального уголовного законодательства должно сопровождаться поиском новых форм сочетания публичного и частного, императивного и диспозитивного. В этом плане законодателю, помимо прочего, касающегося регулирования границ размеров и сроков наказания, необходимо предпринять меры

для оформления процессуальных потребностей в уголовном законодательстве [5, с. 170—176].

А.И. Чучаева и А.П. Фирсова, мерами уголовно-правового воздействия называют относительно самостоятельные средства выражения уголовно-правового регулирования на совершение общественно опасного деяния, обладающие индивидуально определенной совокупностью ограничений прав и свобод. По их мнению, к числу таких мер относятся не только наказание и иные меры уголовно-правового характера, но также условное осуждение (ст. ст. 73 и 74 УК РФ) и судимость (ст. 86 УК РФ) [11, с. 54—55].

Касаемо специфики понятия «коррупционные преступления», то этот термин является, по сути, чисто криминологическим, поскольку не нашло отражение это понятие ни в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [10], ни в уголовном праве. Однако в последнее время указанный термин все чаще и чаще используется, в том числе в подзаконных нормативно-правовых и официальных актах. Например, 9 июля 2013 года в самом названии Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 появилось это словосочетание «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [6]. Таким образом, толкование правовых норм постановления свидетельствует, что в термин «коррупционные преступления» входит не только взяточничество, но и иные коррупционные преступления. Более того, Перечень 23 — преступлений коррупционной направленности, — утвержденный Указанием Генеральной Прокуратуры России № 387-11, МВД России № 2 от 11 сентября 2013 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», содержит статьи УК РФ, предусматривающие преступления коррупционной направленности, определенные во исполнение пункта 1.3 постановления Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 6 октября 2009 года № 1 «О состоянии работы и первоочередных мерах по усилению борьбы с коррупцией в свете реализации Национального плана противодействия коррупции», утвержденного 31 июля 2008 года Президентом РФ [8].

К преступлениям коррупционной направленности, в соответствии с Указанием, относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;
- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
- совершение преступления только с прямым умыслом [6].

Исключением являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

Коррупционная преступность — это социально-правовое явление, характеризующееся подкупом лиц, занимающих служебное положение, и выражающееся в совокупности преступлений с признаками коррупции, и лиц, их совершивших на определенной территории в определенный период времени. Понятие коррупционной преступности является системообразующей основой соответствующих преступлений, требующих внутреннего структурирования-классификации. По мнению автора, такая классификация может быть представлена в двух аспектах: криминологическом (это отдельная тема исследования) и уголовно-правовом, в основу которого и положены признаки коррупции: это использование служебного положения в личных целях; участие в преступлении иных заинтересованных физических или юридических лиц; корыстный характер деяния; наличие в действиях сторон подкупа; получение или передача предмета подкупа.

Исходя из предлагаемой в статье сущности коррупции и коррупционной преступности, которая заключается в передаче

и получении подкупа, и наличия этого признака в составе противоправного деяния, уголовно-правовую классификацию, основанную на объективной стороне коррупционных преступлений, можно разделить на следующие группы коррупционных преступлений:

Первая группа преступлений — это собственно коррупционные, когда в уголовно-правовой норме присутствуют все пять признаков, и они отражаются в составе этих преступлений (ст.ст. 184, 204, 290, 291, 291.1 УК РФ).

Вторая группа преступлений — это частично коррупционные, когда хотя бы в одной из частей статьи УК РФ присутствуют все признаки коррупционного преступления, что отражается либо в диспозиции, либо в квалифицирующих признаках преступлений (ч. 2 ст. 141, ч. 1, 3 ст. 183, ч. 1 ст. 309 УК РФ) и др.

Третья группа преступлений — это сопутствующие коррупционным, когда в составе преступлений присутствуют отдельные (из первых трех указанных признаков) признаки коррупционного преступления (как правило, это использование своего служебного положения в личных корыстных целях). Коррупционными в собственном смысле их назвать нельзя, поскольку в их составе отсутствует основа коррупции — подкуп (взятка). В этом случае лицо использует свое служебное положение для получения прибыли, преимуществ только в личных целях. Хотя «продажность» лица, занимающего служебное положение, здесь отсутствует, факт «расхитительства, воровства» налицо, а отсюда и повышенная общественная опасность разложения чиновников, подрыва авторитета власти. Эти преступления можно назвать сопутствующими коррупционным потому, что лица, использующие служебное положение в личных интересах, практически готовы использовать его (служебное положение) и в интересах третьих лиц, но опять же для личного обогащения, хотя в этом случае не «напрямую», поскольку не все возможности служебного положения можно использовать в личных интересах. Кроме того, во многих случаях сам подкуп в этих деяниях остается латентным (не выявленным), а собственное обогащение связывается с использованием служебного положения только в личных целях (п. «б» ч. 3 ст. 174, п. «б» ч. 2 ст. 174–1, ст.ст. 285, 289 УК РФ) и др.

Следовательно, в современном УК РФ содержится весьма внушительный перечень норм об ответственности за собственно коррупционные и непосредственно связанные с ними преступления. Если допустить, что законодатель России достаточно объективно оценил природу коррупционных преступлений, связанных с использованием служебных полномочий в личных целях, то число видов этих

преступлений достигнет нескольких десятков, которые бессистемно расположены в разных главах и разделах УК РФ.

Таким образом, по мнению автора в круг коррупционных преступлений сегодня входит около 30–33 составов преступлений, предусмотренных УК РФ, хотя в вышеназванном Указании их насчитывается около 50 (ст. ст. 141.1, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. ст. 289, 290, 291, 291.1, 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210, ст. ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309, «, «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. ст. 170, 201, 202, 285, 285.1, 285.2, 285.3, ч. ч. 1 и 2, п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. ст. 292, 305, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, ч. ч. 3 и 4 ст. 229.1, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. ч. 3 и 4 ст. 159, ч. ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ). В юридической литературе по этому поводу неоднократно отмечалось, что расширение круга коррупционных преступлений опасно, поскольку создает «девятый вал» борьбы с коррупцией и поглощает реальное ядро коррупционной направленности [8, с. 7].

Следовательно, назрела необходимость не столько в научном, сколько и в практическом плане законодательно закрепить перечень коррупционных преступлений, что позволит, во-первых, не только вести строгий государственный статистический учет и контроль за распространенностью коррупционных правонарушений, но и, во-вторых, решить большую социальную и этическую проблему. Ведь любая неопределенность в решении открывает многочисленные возможности для политических спекуляций.

В настоящее время в обновлении нуждаются все социальные регуляторы и это неизбежно. Проблема лишь в направлении развития, содержании и масштабах перемен. На протяжении сотен лет происходившие изменения уголовного законодательства всегда, так или иначе, отражали свою эпоху и отвечали на вызовы, возникавшие и возникающие в обществе переходного периода, которое стремится к обновлению и стабилизации. Именно с этих позиций особое внимание в настоящее время уделяется коррупционной преступности, которая будучи социально-правовым явлением, представляют собой общественно опасные посягательства на охраняемые уголовным законодательством общественные отношения.

Общественная опасность таких преступлений определяет их социальную природу. Они опасны, потому что причиняют огромный вред обществу и членам общества, наносят как политический, материальный и другой вред, а также вредят социальным ценностям и устоям общества. Взятничество остается наиболее распространенным проявлением коррупции практически во всех государственных органах.

Среди других видов коррупционных преступлений, совершаемых чиновниками, доминирующее положение занимают факты служебного подлога.

Для всех без исключения статей Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления, характерно, что в качестве субъектов таких преступлений выступают специальные субъекты — лица, которые помимо общих признаков (достижение определенного возраста и вменяемость), должны обладать еще особыми дополнительными признаками для привлечения их к уголовной ответственности. Следовательно, реформирование антикоррупционного законодательства в сфере государственной службы и государственного управления в целом должно быть направлено на ужесточение ответственности за коррупционные преступления, на профилактику и предупреждение коррупционной составляющей. Именно с таких позиций автор предлагает ввести отдельную главу 30.1 в X раздел УК РФ, назвав ее «Коррупционные преступления против интересов государственной службы и государственного управления», включив в нее не только статьи, обозначенные в статье 1 Закона № 273-ФЗ, но и преступления, имеющие коррупционную составляющую.

Поскольку в настоящее время антикоррупционную работу в ведомствах ведут внутренние службы, постольку введение единого антикоррупционного органа может существенно повлиять на общее улучшение коррупционного климата в России. При этом задачами единого органа должны стать: формирование единой государственной антикоррупционной политики, создание правового поля, отвечающего реалиям времени, лоббирование не столько в ужесточении наказания, сколько в его неотвратимости за любые коррупционные деяния.

Список литературы:

1. Волков К.А. Уголовно-правовые проблемы противодействия коррупционным преступлениям // Российский следователь. — 2011. — № 15. — С. 7.
2. Жалинский А.Э. «Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ» М. Проспект, 2009. — С. 179—182.
3. Кульгин В.В. О возможности оптимизации антикоррупционного законодательства // Проблемы формирования и реализации антикоррупционной и антикриминальной политики. Владивосток, ВлГУ, 2009. — С. 14.
4. Мальцева В.В. «Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности» М. ИГПРАН. 2001.

5. Мизанбаев А.Е. «О поиске новой парадигмы модернизации механизма уголовно-правового регулирования» // Пробелы в российском законодательстве. М. — 2009. — № 2. — С. 170—176.
6. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Консультант Плюс [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155458/. 15.01.2014 г.
7. Уголовное право России. Особенная часть /Под. ред. И.Э. Звечаровского, колл. авт. О.С. Капинус, А.В. Бриллиантов, А.В. Наумов и др. М.: Норма: Инфра-М, 2010.
8. Указание Генеральной Прокуратуры РФ № 387-11, МВД РФ № 2 от 11 сентября 2013 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.minenergo.samregion.ru/Protiv_kor/paper_anticorr/11714. 20.01.2014 г.
9. Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 15 февраля 2012 года № 52-11/2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». «ГАРАНТ»: [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://base.garant.ru/70190900/#ixzz2ugbUfetw> 25.01.2014 г.
10. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»// РГ. Федеральный выпуск № 4823. 30 декабря 2008 года.
11. Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация // Монография. М.: Проспект, 2010. — С. 54—55.

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРАВА ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИХ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СПОРА,
НА ВОЗМЕЩЕНИЕ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ**

Болдырева Наталья Николаевна

Курский государственный университет,

РФ, г. Курск

E-mail: natalyaboldyreva@mail.ru

**THE PROBLEMATIC ASPECTS OF THE REALIZATION
OF THE RIGHT OF THE THIRD PERSONS,
OF THE NOT DECLARING INDEPENDENT
REQUIREMENTS RELATIVE TO SUBJECT
OF THE DEBATE, FOR THE COMPENSATION
OF THE JUDICIAL EXPENDITURES**

Boldyreva Natalia

PhD, assistant professor of civil and arbitration process,

Kurskiy is state university,

Russia, Kursk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы реализации третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, права на возмещение судебных расходов.

ABSTRACT

In the article are examined questions of realization by the third persons, who do not declare independent requirements relative to the object of dispute, right to the compensation of judicial expenditures.

Ключевые слова: третьи лица; не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора; судебные расходы.

Keywords: the third persons; who do not declare independent requirements relative to subject of the debate; judicial expenses.

Понятие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, раскрывается в ст. 43 ГПК РФ и ст. 51 АПК РФ. Наличие у третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, юридического интереса в решении спора является основанием участия их в процессе. Лицо не может быть допущено в процесс в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, если нет взаимосвязи данной группы третьих лиц с одной из сторон. Интерес можно определить, оценив влияние судебного решения на правовое положение третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Причем такое влияние является не непосредственным, а опосредованным. Непосредственное влияние судебного акта на права и (или) обязанности лица может проявляться в случае, когда суд в резолютивной части судебного акта создает, изменяет или прекращает права и (или) обязанности такого лица (ч. 5 ст. 198 ГПК РФ, ч. 5 ст. 170 АПК РФ).

Нельзя не согласиться с мнением Р.О. Опалева, считающего, что «вовлечение третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в процесс подразумевает наличие у них предполагаемой возможности осуществлять защиту своего юридического интереса и не должно осуществляться только для того, чтобы искусственно сделать таких лиц пассивными хранителями соблюдения судом законности при рассмотрении и разрешении дела» [6].

Необходимость участия в процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, не вызывает сомнений. Спорным в юридической литературе остается вопрос об их праве на возмещение судебных расходов. Анализ гл. 7 ГПК РФ и гл. 9 АПК РФ позволяет с уверенностью утверждать, что судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются судом со стороны. Однако, в данном случае «золотое правило» толкования нормы не действует. В юридической литературе встречается мнение, которое в полной мере отражает позицию законодателя и «не оставляет сомнений в том, судебные расходы возмещаются только сторонам

и третьим лицам, заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, но никак не третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора» [3, с. 22—26]. Встречается и иное мнение, согласно которого «в силу ст. 34 ГПК РФ и ст. 40 АПК РФ третьи лица являются лицами, участвующими в деле, и теоретически, из содержания вышеназванных норм, усматривается возможность на возмещение судебных расходов и данной группе лиц, участвующих в деле» [5]. Единообразия судебной практики по данному вопросу также не наблюдается.

Как полагает Е.А. Трещева, «участие лица в процессе в свою защиту является основанием для возмещения лицу судебных расходов. Необходимость участия в деле сторон или третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, вызвана тем, что в рамках дела решается вопрос об их правах и (или) обязанностях, которые судебным решением могут быть созданы, изменены или прекращены» [10, с. 27—30].

В связи с тем, что сама необходимость такой защиты вызвана противоправными, ничем не обоснованными действиями (бездействием) процессуального соперника, сторона или третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, вынуждены либо вести защиту своих нарушенных прав посредством активного отстаивания своего иска, либо организовать свою защиту против предъявленных незаконных требований. Связью иска и судебного решения по нему определяется вопрос о возмещении судебных расходов сторонам: судебные расходы возмещаются той стороне, в пользу которой принят судебный акт (ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, ч. 1 ст. 110 АПК РФ, а также еще в некоторых фактически приравненных к этому случаям (ст. 101 ГПК РФ, ч. 1 ст. 151 АПК РФ). Закон относит судебные расходы на проигравшую сторону.

В отношении третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, ситуация иная. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции, если этот судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству стороны или по инициативе суда (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ). Порядок вступления в процесс третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, может быть различным. Представляется возможным именно порядок

вступления в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, назвать квалифицирующим признаком, дающим возможность наделения их правом на возмещение судебных расходов.

Если третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, привлекаются в процесс по ходатайству стороны, то нести судебные расходы им приходится. Поскольку такие третьи лица были вовлечены в процесс по ходатайству стороны против своей воли, их участие в процессе было признано необходимым в том смысле, что данные лица не могут не участвовать в таком процессе. Привлеченные к участию в процессе третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, не по своей воле поставлены в ситуацию, при которой они обязаны осуществлять действия по защите своего интереса, а значит, и нести судебные расходы. В данном случае понесенные ими судебные расходы связаны с необходимостью участия их в процессе. Причем эта необходимость вызвана не потребностью третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, в защите собственных интересов, а тем, что закон в данном случае подчиняет интересы такого лица интересам того лица, участвующего в деле, на сторону которого названное лицо привлекается. При таких условиях возложение на них бремени несения судебных расходов, связанных с необходимостью участия в процессе, означает принуждение к защите за собственный счет, что принципиально недопустимо. Д.В. Маклаев отмечает, что «процессуальный закон (ч. 1 ст. 43 ГПК РФ, ч. 1 ст. 51 АПК РФ), предоставляя право стороне ходатайствовать о привлечении к участию в деле третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, тем самым обеспечивает интерес стороны, заключающийся в желании распространить действие преюдициальности как элемента законной силы судебного решения, которое будет принято по данному делу, на привлекаемое лицо» [4, с. 19—23]. Очевидно, что третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, привлеченным к участию в деле по ходатайству стороны, должны компенсироваться судебные расходы, понесенные ими в связи с необходимостью участвовать в процессе, за счет лица, участвующего в деле, на чью сторону они были привлечены, вне зависимости от исхода процесса.

Когда третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вовлекаются в процесс по инициативе суда, то возникает ситуация аналогичная предыдущей. Участие

их в процессе вызвано теми же причинами, что и в случае привлечения названной категории лиц к участию в процессе по ходатайству стороны. Необходимость участия указанных лиц в процессе вызвана инициативой суда, поэтому судебные расходы, понесенные такими лицами, должны возмещаться независимо от исхода процесса за счет средств соответствующего бюджета.

В том случае, когда третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вступают в процесс по своей инициативе, судебные расходы, понесенные ими в связи со вступлением в процесс, компенсироваться не должны. Это связано с тем, что нет никаких оснований относить судебные расходы на лицо, в пользу которого вынесено судебное решение. На суд также нельзя отнести такие судебные расходы, поскольку вступление третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, было осуществлено им по своей инициативе, а не по инициативе суда. Возложение на проигравшую сторону обязанности возместить судебные расходы третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, вступившим по собственной инициативе в процесс исключительно для своей выгоды, к которым проигравшая сторона не выставляла каких-либо своих притязаний, не отвергала каких-либо их требований, не оспаривала их прав, является необоснованным, так как вступление таких лиц в процесс не было вызвано противоправными действиями в их отношении. Ни ГПК РФ, ни АПК РФ не дают ответа на вопрос на кого из лиц, участвующих в деле, может быть возложена обязанность по возмещению судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, вступившим в процесс по собственной инициативе.

Разрешить вопрос о возможности компенсации судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, не помогает и судебная практика.

По смыслу ст. 98 ГПК РФ и ст. 110 АПК РФ судебные расходы подлежат возмещению только тем лицам, в пользу которых принимается судебный акт. Конституционность положений ст. 110 АПК РФ ставилась под сомнение путем подачи соответствующей жалобы в Конституционный Суд РФ. В Определении от 29 сентября 2011 года № 1150-О-О [7] Конституционный Суд РФ признал, что часть 1 статьи 110 АПК РФ не нарушает право на возмещение судебных расходов третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Возмещение судебных

расходов на основании оспариваемой нормы осуществляется только той стороне, в пользу которой вынесено решение арбитражного суда, в силу того судебного акта, которым спор разрешен по существу. Что же касается третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, то они субъектами спорного правоотношения, ставшего предметом рассмотрения в арбитражном суде, не являются. Между тем отсутствие в процессуальном законе нормы, регуливающей возмещение судебных расходов лица, чье право нарушено, не означает, что такие расходы не могут быть возмещены в порядке ст. 15 Гражданского кодекса РФ. Данный вывод основывается на принципах, нашедших закрепление в Конституции РФ.

Взыскание судебных расходов третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, является проблематичным и ставится в зависимость от факта обжалования судебных актов по делу. Примером тому может служить Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 г. № 11839/09. Арбитражный суд заключил: «в случае, если третье лицо самостоятельных требований на предмет спора не заявляло, принятые по делу судебные акты не обжаловало, то оно не может быть признано лицом, которое в силу ст. 110 АПК РФ имеет право на возмещение судебных издержек, понесенных в связи с участием в рассмотрении дела. Заинтересованность третьего лица в исходе дела не является основанием для возмещения ему судебных издержек» [8].

ФАС Западно-Сибирского округа в Постановлении от 2 апреля 2009 года № Ф04-4176/2008(3797-А27-32) отметил, что судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. По смыслу данной статьи судебные расходы подлежат возмещению только тем лицам, в пользу которых принимается судебный акт. В свою очередь, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в отличие от третьих лиц, заявляющих данные требования, не могут рассматриваться как лица, в пользу которых принимается судебный акт. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований, хотя и имеют заинтересованность в деле, но решением суда с данных лиц ничего не взыскивается и им ничего не присуждается. Кроме того, третьи лица без самостоятельных требований выступают в деле на стороне истца или ответчика, поэтому их расходы на оплату услуг представителя возмещению не подлежат, заключил ФАС [9].

Таким образом, отрицание законодателем за третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, права на возмещение судебных расходов не является оправданным. Этот вопрос постоянно обсуждается в юридической литературе, но, к сожалению, однозначного ответа на него нет.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014 (Дата обращения 19.02.14).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014 (Дата обращения 19.02.14).
3. Ильин А.В. Право третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, на возмещение судебных расходов // Арбитражный и гражданский процесс. М.: Юрист, — 2012, — № 1. — С. 22—26.
4. Маклаев Д.В. Влияние судебных актов на права и обязанности третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, в арбитражном процессе // Российская юстиция. М.: Юрист, — 2008, — № 9. — С. 19—23.
5. Маркова Д.В. Взыскание судебных расходов третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lex-gravo.ru/ru-3537.html> (Дата обращения 19.02.14).
6. Опалев Р.О. Участия в арбитражном процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. — 2009. — № 1. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.vestnik.ru/ufas.php?bc_tovar_id=9 (Дата обращения 19.02.14).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1150-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сысоевой Елены Валентиновны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014 (Дата обращения 19.02.14).
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.06.2010 № 11839/09 по делу № А27-2981/2008-5 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014 (Дата обращения 19.02.14).

9. Постановлении от 2 апреля 2009 года № Ф04-4176/2008(3797-А27-32) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс», 2014 (Дата обращения 19.02.14).
10. Трещева Е.А. Правовое положение и особенности участия в арбитражном процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора // Арбитражный и гражданский процесс. — 2007. — № 7. — С. 27—30.

СЕКЦИЯ 5.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Вольский Станислав Геннадьевич

*аспирант, Университет управления «ТИСБИ»,
РФ, Республика Татарстан, г. Казань
E-mail: svolskiy@list.ru*

LEGAL NATURE OF SOCIAL ADVERTISING

Volskiy Stanislav Gennadievich

*graduate student University of Management "TISBI",
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор попытался дать правовую характеристику социальной рекламы. Представляется основное отличие социальной рекламы от других видов рекламы. В исследуемом объекте предполагается наличие трех видов интересов. При этом автор выделяет основные положения социальной рекламы на основании законодательства РФ.

ABSTRACT

In this article the author tried to give the legal characteristic of social advertising. There is represented the main difference of social advertising from other types of advertising. In studied object is supposed existence of three types of interests. In this case the author allocates basic provisions of social advertising on the basis of the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: реклама; социальная реклама; интерес; рекламодатель; рекламодатель; рекламодатель.

Keywords: advertising; social advertising; interest; advertiser; of advertisements.

Особое место в рекламных правоотношениях занимает социальная реклама, ведь вместе с плановой экономикой, и господством публичного права, в прошлом веке какого-либо правового регулирования данный институт не знал. Лишь с провозглашением правового государства и становлением рыночной экономики такая необходимость возникла. В 2006 году, принимается Федеральный Закон № 38-ФЗ «О рекламе» [7] (далее — Закон о рекламе).

Легальное определение социальной рекламы дается в ст. 3 Закона о рекламе, где под социальной рекламой понимается *«информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства»* [7].

Основным отличием легального определения «рекламы» от «социальной рекламы» является наличие коммерческой цели. Социальная реклама должна быть направлена исключительно на благотворительные, общественно полезные цели и обеспечивать интересы государства.

Отдельно следует обратить внимание на наличие трех видов интересов в социальной рекламе и их несовпадении где разграничиваются цели благотворительные, общественно полезные и обеспечение интересов государства. В связи с чем, обоснованным представляется вывод К.Ю. Тотьева о том, что законодатель почти всегда связывает общественные интересы с государственными, но не отождествляет их [6, с. 21].

Не смотря на давность поставленной проблемы соотношения частных, общественных и публичных интересов, свою актуальность данный вопрос не потерял до сих пор.

Справедливо отмечает В.В. Субочев «сам по себе феномен права по своей сути основан прежде всего на диалектическом единстве, переплетении и взаимозависимости интересов личности, общества и государства» [4, с. 4].

Соотношение частных, общественных и публичных интересов занимают неоднозначную позицию в доктрине. Существует множество иной раз противоречащих друг другу точек зрения. Одни ученые [5, с. 53] объединяют понятие публичный и общественный интерес. Другие авторы [2, с. 2]., разграничивают эти понятия. Отдельно следует отметить, что в литературе весьма распространена

позиция о том, что социальная реклама не является достаточно точным и логичным термином, отражающим сущность правового явления.

Так следуя логике законодателя применяя дефиницию рекламы к социальной рекламе, можно натолкнуться на противоречие, ведь социальная реклама может быть адресована и определенному кругу лиц, и кроме того не призвана формировать или поддерживать интерес к объекту рекламирования и продвигать его на рынке. Главным аргументом этого является отсутствие у нее коммерческой цели (получения прибыли), социальная реклама не направлена на продвижение объекта рекламирования на рынке.

Ю.Я. Вольдман в комментарии к Закону «О рекламе» [1, с. 35] отмечает, что то, что называется социальной рекламой, правильной было бы назвать «социальной информацией» или «объявлением социальной направленности».

Э.Л. Страунинг в научной работе «Некоторые проблемы общей теории рекламных правоотношений» отмечает, что «социальная реклама не является рекламой как таковой и не является предметом гражданско-правового регулирования, поэтому говорить о ней можно только как о разновидности информации» [3, с. 23].

Основное отличие социальной рекламы от коммерческой заключается не только в предмете правового регулирования (гражданско-правовое или административное), но и в цели. В то время как коммерческие рекламодатели рекламируют товар, работу, услугу, идею или начинание с целью роста продаж, прибыли, повышения известности торговой марки, с иной коммерческой целью, то цель социальной рекламы заключается в привлечении внимания к общественному, государственному явлению, например, к экологическим, нравственным, патриотическим, здравоохранительным вопросам и проблемам.

Таким образом, отличие социальной рекламы от коммерческой в том, что последняя направлена на удовлетворение частных интересов, так как социальная реклама носит некоммерческий характер, она может быть в основном направлена на удовлетворение общественных и публичных интересов, например привлечения внимания к какой-либо социальной проблеме или явлению. Однако надо признать, что споры относительно этимологии термина «социальная реклама» реального практического значения не имеют, так как за данным термином уже закрепился правовой режим и сущность явления.

Помимо легального определения исследуемого объекта, социальной рекламе посвящена ст. 10 Закона о рекламе, являющаяся

единственной нормой в законодательстве, закрепляющей ее правовой статус [7].

Основными положениями данной нормы, является следующее:

1. **рекламодателями** могут выступать только субъекты, определенные в Законе о рекламе;

2. на распространение и производство социальной рекламы необходимо размещение **заказов**. Размещение таких заказов регулируется Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [8].

3. заключение договора на распространение социальной рекламы при определенных условиях является обязательным для **рекламораспространителя** и регулируется положениями Гражданского кодекса Российской Федерации.

4. в данной рекламе не допускается упоминание о конкретных марках (моделях, артикулах) товаров, товарных знаках, знаках обслуживания и об иных средствах их индивидуализации, о физических лицах и юридических лицах.

5. определены исключения на установленные ограничения, которые не распространяются на упоминания об органах государственной власти, иных государственных органах, органах местного самоуправления, о муниципальных органах, которые не входят в структуру органов местного самоуправления, о спонсорах, о социально ориентированных некоммерческих организациях, а также о физических лицах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или нуждающихся в лечении, в целях оказания им благотворительной помощи. При этом упоминание о социально ориентированных некоммерческих организаций возможна только в случае если содержание этой рекламы непосредственно связано с информацией о деятельности таких некоммерческих организаций, направленной на достижение благотворительных или иных общественно полезных целей.

6. в социальной рекламе установлены соответствующие ограничения по времени и площади упоминания о спонсорстве. Однако норма не будет действовать, если упоминания в социальной рекламе об органах государственной власти, иных государственных органах, органах местного самоуправления, о муниципальных органах, которые не входят в структуру органов местного самоуправления, о социально ориентированных некоммерческих организациях, а также о физических лицах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации

или нуждающихся в лечении, в целях оказания им благотворительной помощи.

Список литературы:

1. Вольдман Ю.Я. Комментарий Закона Российской Федерации «О рекламе» // Фонд «Правовая культура». 1998.
2. Ситдикова Р.И. «Частный и общественный интерес в авторском праве».
3. Страунинг Э.Л. «Некоторые проблемы общей теории рекламных правоотношений»//М.: Лекс-Книга, 2004. — С. 23.
4. Субочев В.В. «Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов» // Право и политика. М.: Nota Bene, — 2003. — № 12. — С. 4.
5. Тихомиров Ю.А. «Публичное право». Учебник. М.: БЕК, 1995, — с. 53.
6. Тотьев К.Ю. «Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве» // Государство и право. — 2002. — № 9. — С. 21.
7. Федеральный закон «О рекламе», от 13.03.2006 № 38-ФЗ //СЗ РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1232.
8. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.

ЗАЩИТА ПРОИЗВОДИТЕЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ДОГОВОРУ КОНТРАКТАЦИИ

Иванов Виктор Викторович

*аспирант негосударственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Международный юридический институт»,*

РФ, г. Москва

E-mail: specialforinfo@mail.ru

THE PROTECTION OF A PRODUCER OF AGRICULTURAL PRODUCTS UNDER A CONTRACT OF PROCUREMENT

Victor Ivanov

*graduate student of non-state educational institution of higher education
“International Law Institute”,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу гражданско-правовых категорий защиты производителя сельскохозяйственной продукции по договору контрактации. Автор доказывает актуальность данной статьи и важность правильного правового регулирования отношений субъектов договора контрактации. Анализируются пределы ответственности производителя сельскохозяйственной продукции. Автором исследуются причины включения в действующее законодательство норм о защите производителя, выходящих за рамки общих принципов, действующих при заключении договоров. В статье предлагаются общие подходы к реформированию действующего законодательства, путем предоставления производителю сельскохозяйственной продукции большей правовой защиты.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the civil and legal categories the protection of a producer of agricultural products under a contract of procurement. The author proves the relevance of this article and importance of correct regulation of legal relations of subjects of a contract of procurement. Limits of liability of the producer of agricultural products are analyzed. Author explores the reasons included in the current legislation the rules of the protection of the producer that go beyond the general principles working when making of a contracts. The article offers general approaches to reform current legislation by giving producer of agricultural products greater legal protection.

Ключевые слова: договор контрактации; производитель; сельскохозяйственная продукция, правовая защита.

Keywords: contract of procurement; producer; agricultural products; legal protection.

Сельское хозяйство — это одна из важнейших отраслей мировой экономики в целом и российской экономики в частности. Сельское хозяйство является поставщиком сырья не только для производства

продуктов питания, но и для медицины, косметологии и парфюмерии, легкой промышленности (производство обуви и одежды из кожи животных и тканей из волокон природного происхождения: хлопка, льна, шелка, шерсти) и др. Таким образом, сельское хозяйство, бесспорно, является социально значимым видом предпринимательской деятельности, нуждающимся в государственной поддержке, в том числе и путем грамотного совершенствования законодательной базы в рассматриваемой сфере. Следует подчеркнуть, что вопросы поддержки и защиты сельскохозяйственных товаропроизводителей стоят очень остро, особенно с учетом последствий прошедшего кризиса и вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Специфика сельскохозяйственного производства серьезно повлияла на юридическое регулирование отношений между участвующими в этом производстве субъектами. Основной моделью правоотношения, возникающего между этими субъектами, является договор контрактации.

Не смотря на то, что Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2]) не дает полного определения понятия «контрактация», а лишь устанавливает (в п. 1 ст. 535 ГК РФ [2]) его признаки, позволяющие отграничить его от других видов договоров купли-продажи, в самом общем смысле можно считать, что «договором контрактации называется договор, по которому производитель сельскохозяйственной продукции (продавец) обязуется передать произведенную им продукцию заготовителю (контрактанту), а последний обязуется принять и оплатить ее» [4, с. 83].

В ГК РФ [2] указывается на субъектный состав договора контрактации. К субъектам договора относится производитель и заготовитель сельскохозяйственной продукции (п. 1 ст. 535 ГК РФ [2]), однако в ГК РФ [2] не дается определения термину «производитель сельскохозяйственной продукции», в связи с чем мнения различных ученых и авторов по вопросу содержания этого термина разделились: одни считают, что «в качестве продавца в договоре контрактации может выступать только лицо, для которого производство сельскохозяйственной продукции является одним из основных видов деятельности. Это — либо индивидуальные предприниматели (чаще всего главы крестьянских или фермерских хозяйств), либо коллективные, т. е. коммерческие организации» [4, с. 85]; другие полагают, что «применительно к квалификации договора как договора контрактации не имеет правового значения правовой статус лица, реализующего сельскохозяйственную продукцию» [1, с. 127]; в Федеральном Законе от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйст-

венной кооперации» (ст. 1 [9]) употребляется схожий термин — «сельскохозяйственный товаропроизводитель». Сельскохозяйственный товаропроизводитель определен как физическое или юридическое лицо, осуществляющее производство сельскохозяйственной продукции, которая составляет в стоимостном выражении более 50 % общего объема производимой продукции, в том числе рыболовецкая артель (колхоз), производство сельскохозяйственной продукции, в том числе рыбной продукции, и уловы водных биологических ресурсов в которой составляют в стоимостном выражении более 70 % общего объема производимой продукции.

Налоговый кодекс РФ в п. 2 ст. 346.2 [7] так же дает определение термину сельскохозяйственные товаропроизводители: организации и индивидуальные предприниматели, производящие сельскохозяйственную продукцию, осуществляющие ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) и реализующие эту продукцию, при условии, если в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг) таких организаций и индивидуальных предпринимателей доля дохода от реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции, включая продукцию ее первичной переработки, произведенную ими из сельскохозяйственного сырья собственного производства, составляет не менее 70 процентов, а также сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), снабженческие, садоводческие, огороднические, животноводческие), признаваемые таковыми в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [9], у которых доля доходов от реализации сельскохозяйственной продукции собственного производства членов данных кооперативов, включая продукцию первичной переработки, произведенную данными кооперативами из сельскохозяйственного сырья собственного производства членов этих кооперативов, а также от выполненных работ (услуг) для членов данных кооперативов составляет в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг) не менее 70 процентов.

Каких-либо критериев для отнесения лица к производителю сельскохозяйственной продукции — стороне договора контрактации не установлено.

Таким образом, предлагается считать, что сельскохозяйственным производителем признается любое лицо (юридическое или физическое лицо, индивидуальный предприниматель), производящее сельхозпродукцию, вне зависимости от того, какова ее доля (в стоимостном выражении) в общем объеме производимой продукции. Главное, такое

лицо должно реализовать сельхозпродукцию, самостоятельно выращенную (произведенную) им в своем хозяйстве.

Указанная выше специфика заключается в том, что в процессе производства, заготовления и переработки сельскохозяйственной продукции на субъекты этих отношений влияет большое количество условий, в том числе и таких, которые с должной мерой заботливости и осмотрительности, не могут быть никем предсказаны и учтены. Речь, прежде всего, идет о погодных условиях, в том числе и экстремальных (засухи, наводнения, пожары и т. д.). В том случае, когда сельскохозяйственному производителю, продающему выращенную им продукцию, противостоит предприниматель, закупающий ее для переработки или продажи, экономическое неравенство достигает той степени, при которой требуется юридический противовес в виде специальных норм института контрактации. Возникает необходимость в особом юридическом нормировании, которое позволило бы путем повышения уровня правовой защиты сельскохозяйственного производителя-продавца устранить экономическое неравенство в его отношениях с лицом, закупающим сельскохозяйственную продукцию с предпринимательской целью.

Следует обратить внимание, что одним из признаков предмета договора контрактации является то, что сельскохозяйственная продукция не должна быть переработана производителем больше той степени, которая исключает влияние непредвиденных условий на исполнение обязательств заготовителем. Отсутствие этого признака исключает квалификацию правоотношения как договора контрактации. Это объясняется тем, что сама по себе деятельность по переработке сельскохозяйственной продукции не является той рискованной деятельностью, которая порождает экономическое неравенство производителя. Она находится за рамками института контрактации. Следовательно, имеет место обычный договор поставки. Другими словами, приводя пример, производитель, вырастивший кукурузу и переработавший ее в консервы, не несет повышенный риск неисполнения обязательств из-за погодных условий, так как, например, засуха на сохранность консервов не влияет.

Придерживаясь данного подхода и понимая важность для страны в целом такой отрасли экономики как сельское хозяйство, законодатель предусмотрел определённые исключения из общих принципов и подходов, применяемых при заключении и исполнении договоров.

Наиболее существенным и показательным в данном случае служит принцип ограничения ответственности производителя. В отступление от общего правила об ответственности предпринимателей за нарушение обязательств на началах риска, т. е. независимо от вины, законодатель

уравновесил повышенный риск нарушения договора производителем (от случайных причин) принципом его ответственности только за вину (ст. 538 ГК РФ [2]). Таким образом, производитель, доказавший отсутствие своей вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении договора, освобождается от ответственности. Заготовитель, напротив, обычно отвечает за нарушение условий договора на общих основаниях для предпринимателей, т. е. его ответственность строится на началах риска.

Еще одним исключением, вместе с тем, имеющим большую диспозитивность, чем ограничение ответственности, так как оно может быть изменено соглашением сторон, является правило, закрепленное в п. 1 ст. 536 ГК РФ [2]: если иное не предусмотрено договором контрактации, заготовитель обязан принять сельскохозяйственную продукцию у производителя по месту ее нахождения и обеспечить ее вывоз. Данный подход продиктован практикой отношений по закупкам сельскохозяйственной продукции, где производитель чаще всего не обладает собственными, необходимыми для вывоза ресурсами, главным образом транспортными. Данный подход так же увеличивает расходы заготовителя по исполнению договора, поскольку затраты на принятие, вывоз сельскохозяйственной продукции и ее дальнейшую транспортировку возлагаются на заготовителя.

Из данного положения вытекает еще одна обязанность заготовителя, закрепленная в п. 2 ст. 536 ГК РФ [2]: принять сельскохозяйственную продукцию, в случае, когда принятие сельскохозяйственной продукции осуществляется в месте нахождения заготовителя или ином указанном им месте, а продукция является соответствующей условиям договора контрактации и переданной заготовителю в обусловленный договором срок. Данное положение опять же направлено на защиту добросовестного производителя, для минимизации его транспортных расходов и убытков, которые могут возникнуть в случае отказа заготовителя принять продукцию.

На заготовителя так же может быть возложена обязанность, предусмотренная п. 3 ст. 536 ГК РФ [2], возвращать производителю по его требованию отходы от переработки сельскохозяйственной продукции с оплатой по цене, определенной договором, в случае если: такая обязанность предусмотрена договором. Данное положение используется, когда отходы от производства могут быть вторично использованы в качестве, например, удобрений для следующего урожая. Тогда производителю не нужно заключать новый договор с иным субъектом на поставку удобрений, что уменьшит его расходы, а, следовательно, и цену будущего урожая.

Причиной закрепления в законодательстве такой разветвлённой системы положений, направленных на защиту товаропроизводителя, являются не только погодные условия, но и отсутствие в стране развитой структуры снабжения сельского хозяйства и сбыта сельхозпродукции. Поэтому функции снабжения тарой, материалами, вывоза продукции стали возлагаться на того, кто покупает продукцию — на заготовителя.

Закрепление за производителем ряда обязанностей, которые могут повлечь для него дополнительные расходы, обусловлено так же и историей развития договор контрактации. В советский период первоначально отношения, складывающиеся между сельскохозяйственными производителями и покупателями выращенной продукции, регулировались договором купли-продажи. В Гражданском Кодексе РСФСР 1922 г. [8] отсутствовали какие-либо нормы о договоре контрактации. В 60-е годы совхозы были переведены на хозрасчет, значительно повышались закупочные цены, внедрялся договорный метод заготовок сельскохозяйственной продукции. В Законе СССР «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (ст. 51—52 [5]), появились нормы о договоре контрактации, которые были воспроизведены в ГК РСФСР 1964 г. (ст. 267—268 [3]). Согласно указанным нормам, государственная закупка сельскохозяйственной продукции у колхозов и совхозов осуществлялась по договорам контрактации, которые заключались на основе планов государственных закупок сельскохозяйственной продукции и планов развития сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах. Таким образом, по своей сути, заготовителем сельскохозяйственной продукции в тот период выступало государство, у которого имелись и транспортные и денежные ресурсы для поддержки производителей. В связи с переходом к рыночным отношениям утратило значение и всеобъемлющее планирование закупок продукции, выращенной сельскохозяйственными организациями. Однако условия, регулирующие указанные отношения, сохранились.

Анализ проводимой в настоящий период в стране реформы законодательства, основные направления которой закреплены в Проекте Федерального Закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], позволяет сделать вывод о том, что нормы, касающиеся договора контрактации меняться не будут, следовательно, законодатель не спешит отказываться от принципов защиты производителя.

Вместе с тем, законодатель не проявляет последовательности в вопросе защиты производителя. В самом общем смысле необходимыми дополнительными мерами защиты будут являться: льготы (путем освобождения от уплаты пошлин или уменьшения их размера) производителям сельскохозяйственной продукции при обращении в суды за защитой своих интересов, вытекающих из договора контрактации; унификация в законодательстве понятий, связанных с договором контрактации (например: «сельскохозяйственная продукция», «производитель сельскохозяйственной продукции» и др.).

Список литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — ст. 410.
3. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // «Ведомости ВС РСФСР». — 1964. — № 24. — ст. 407.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. / Е.Ю. Валявина, И.В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
5. Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // «Ведомости ВС СССР». — 1961. — № 50. — ст. 525.
6. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=47538-6&02> (дата обращения: 05.02.08).
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 30.01.2014) // Собрание законодательства РФ. — 07.08.2000. — № 32. — ст. 3340.
8. Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: История создания. Общая характеристика. Текст. Приложения. 2-е изд. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
9. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. — 11.12.1995. — № 50. — ст. 4870.

УДЕРЖАНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Лазаренкова Ольга Григорьевна

*канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: Lazarenkova_olga@mail.ru*

REAL ESTATE ENCUMBRANCE: THEORY AND PRACTICE

Olga Lazarenkova

*candidate of Juridical Sciences, associate professor of the Department
of Civil Law, Northwest Branch of Russian Law Academy
of Ministry of Justice of Russian Federation,
Russia, Saint-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует ситуацию, когда в отсутствие четкой регламентации в законе вопроса о возможности удержания недвижимого имущества возникла противоречивая судебная практика, а также неоднозначно этот вопрос трактуется учеными-цивилистами. Это приводит к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования этого способа обеспечения исполнения обязательств.

ABSTRACT

The author examines the situation where lacking a distinct law regulation of possibility of real estate encumbrance the contradicting judicial practice has appeared; also this question is ambiguously interpreted by civilists. As a result, it is necessary to improve the legal regulation of this performance bond.

Ключевые слова: удержание вещи должника; недвижимое имущество; государственная регистрация обременения недвижимости.

Keywords: retention of debtor; real estate; state registration of real estate encumbrance.

Вопрос о возможности удержания недвижимого имущества является одним из самых дискуссионных в науке и неоднозначно трактуемых на практике. Это связано с тем, что удержанию, как способу обеспечения исполнения обязательств, посвящено в общих положениях Гражданского кодекса РФ всего две статьи (ст. 359 и ст. 360), что явно недостаточно. Также Федеральный закон от 21 июля 1997 г № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [18] не содержит исчерпывающего перечня ограничений (обременений), подлежащих государственной регистрации и признаков, позволяющие разграничить такие ограничения (обременения) с теми, регистрация которых не требуется. В частности, в данном законе вообще не упоминается об удержании недвижимой вещи должника. В совокупности с тем обстоятельством, что нормы о праве удержания в Гражданском кодексе РФ сформулированы неполно и нечетко, возник вопрос о том, может ли являться недвижимое имущество предметом права удержания.

В статье 359 ГК РФ прописано, что кредитору, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику или указанному им лицу, предоставлено право, в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещения кредитору связанных с этой вещью издержек и других убытков, удерживать ее у себя до тех пор, пока соответствующее обязательство должником не будет исполнено [5].

Понятие «вещь» включает в себя не только движимые, но и недвижимые вещи, на которые распространяется особый правовой режим. Анализ ст. 359 ГК РФ и ст. 360 ГК РФ, регламентирующей порядок обращения взыскания на удерживаемое имущество, позволяют прийти к выводу, что никаких ограничений для удержания недвижимого имущества нет. В русском дореволюционном праве предмет удержания толковался более узко. В Проекте книги пятой Гражданского Уложения в ст. 113 было прописано следующее положение: «Лицо, обязанное выдать не принадлежащее ему особливо определенное движимое имущество, вправе удерживать его у себя в виде обеспечения до тех пор, пока ему не будут возмещены произведенные им необходимые или полезные издержки на имущество» [13, с. 360]. Современное законодательство, в отличие от положений русского дореволюционного права, не содержит подобных ограничений.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами, судебная практика складывается неоднозначно, а в науке до сих пор среди ученых

не выработано единой позиции относительно того, может ли недвижимое имущество выступать в качестве предмета удержания.

Для иллюстрации противоречивой судебной практики приведем два совершенно противоположных судебных решения за 2012 год:

Судебная коллегия по гражданским делам Ростовского областного суда оставила в силе решение Батайского городского суда Ростовской области от 02 ноября 2011 г., который отказал в иске А.С. к К. о признании права на удержание квартиры. Обосновывая свою позицию, суд указал, что он исходит из того, что ст. 164 ГК РФ предусматривает обязательную регистрацию сделок с недвижимостью, что, по мнению суда, противоречит существу правоотношений, возникающих при осуществлении кредитором права удержания имущества. Статья 131 ГК РФ и другие законы не включают право удержания в перечень обременения недвижимого имущества, подлежащих государственной регистрации, в связи с этим суд делает вывод о том, что изложенные обстоятельства не позволяют включать в круг вещей, которые могут служить предметом удержания, недвижимое имущество [10].

В другом случае, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд признал за ответчиком право на удержание результата работ по договору строительного подряда (жилой дом № 6 по ул. Волочаевской, г. Казани, а также на недвижимое имущество, расположенное на земельных участках в виде незавершенного строительством жилого 17-ти этажного дома со встроенно-пристроенными нежилыми помещениями), но отказал истцу в удовлетворении его требований по другому основанию [11].

Что касается недвижимых вещей, являющихся таковыми в силу закона, в частности, морских судов, проблемы не возникает, поскольку статья 373 Кодекса торгового мореплавания РФ специально регламентирует право удержания судна или строящегося судна [7]. Положительным примером удержания судна, как объекта недвижимости, может служить решение по делу № 12-123, вынесенное 2 августа 1996 года судом Приморского края и явившееся предметом рассмотрения в кассационной инстанции — в Федеральном арбитражном суде Дальневосточного округа [12].

Приведенные выше ситуации свидетельствуют о том, что в ряде случаев судебная практика идет по пути признания в качестве предмета права удержания объектов недвижимости, не находя для этого затруднений. Вместе с тем, налицо и противоположные примеры.

Что касается ученых, то такие из них как И. Исафаилов, Б.М. Гонгало, М.В. Южанин, Р.С. Бевзенко и некоторые другие, полагают, что объекты недвижимости могут выступать в качестве предмета удержания [6, с. 49; 4, с. 136; 19, с. 8; 8, с. 17]. Иные авторы, к числу которых относятся М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Л.Н. Якушина, категорически возражают против включения в круг предметов удержания недвижимого имущества [2, с. 120; 20, с. 12].

Один из самых известных современных исследователей права удержания С.В. Сарбаш, также склоняется к выводу о невозможности удержания недвижимости, обосновывая свою позицию тем, что ст. 131 ГК РФ, а также другие законы не включают право удержания в перечень обременений недвижимого имущества, подлежащих государственной регистрации [14, с. 168].

Еще более категорична в своих суждениях Л.Н. Якушина. По ее убеждению удержание недвижимой вещи вообще недопустимо по следующим основаниям:

1. удержание значительно снизит оборотоспособность недвижимых объектов;
2. существенно усложнит применение права удержания на практике (все сделки с недвижимостью и права на недвижимость подлежат государственной регистрации), так как будет связано с дополнительными затратами как финансового, так и временного характера;
3. не может быть предметом права удержания недвижимость и потому, что закон не предусматривает специальную форму для удержания, как это требуется при сделках с недвижимостью [20, с. 12].

С позицией С.В. Сарбаша и его сторонниками не соглашается Б.М. Гонгало, справедливо обращая внимание на следующее обстоятельство: ни ст. 131 ГК РФ, ни ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», не содержат исчерпывающего перечня ограничений и обременений недвижимости, подлежащих регистрации [4, с. 137].

Аргументация Н.В. Южанина сводится к следующему: любое удержание должно происходить по какому-либо договору, например, аренды, подряда, и только в отношении чужой вещи, и нет никаких ограничений для удержания недвижимого имущества. Основной договор, в силу которого происходит акцессорное удержание, является основой для обращения взыскания на предмет удержания. Если «завладение» недвижимостью происходит вне всякого договора, но при наличии судебного решения, это будет самозащита [19, с. 8].

Таким образом, мнения ученых по этому вопросу расходятся, анализ же нормативного материала дает основание утверждать, что удерживаться может как движимая, так и недвижимая вещь.

Если традиционно правом удержания можно было воспользоваться в таких договорах как хранение, перевозка, комиссия, подряд, поручение, то в настоящее время оно стало общегражданским способом, а поскольку в гражданский оборот введены новые виды договоров, следует полагать, что право удержания может быть применено и к недвижимой вещи по другим видам договоров. Показательным в этом плане является договор ренты. Данный договор направлен на охрану слабозащищенной стороны, которой, по смыслу законодателя, является получатель ренты, и суды в основном становятся на защиту прав получателя ренты. На практике же не редки случаи, когда договор расторгается по иску получателя ренты без достаточных на то оснований. Зачастую в таких случаях плательщик ренты понес значительные расходы на неотделимые улучшения недвижимой вещи, которые не всегда представляется возможным вернуть. Достаточно эффективным способом защиты прав добросовестного плательщика рентных платежей может оказаться применение института удержания к данному обязательству. Если ответчик в судебном процессе о расторжении договора ренты заявил об удержании вещи для обеспечения права на компенсацию произведенных им улучшений, это должно влечь последствия, предусмотренные ст. ст. 359, 360 ГК РФ. Представляется правильным, что применение в этой ситуации права удержания в значительной мере стабилизирует рентные отношения и сократит злоупотребления в этой сфере. Право удержания может с успехом применяться и по другим договорам, связанным с возвратом недвижимой вещи, на которую были произведены неотделимые улучшения, и которые должник отказывается возмещать их стоимость. Например, по договору аренды, ссуды, найма жилого помещения. Вместе с тем, несмотря на правомерное применение удержания имущества должника, связанного с кредитором обязательственным правоотношением, имеет место практика предъявления виндикационных исков к кредитору.

Подтверждает это и небольшое исследование, проведенное А.Н. Тузовым, который ссылаясь на ряд конкретных судебных решений Московского арбитражного суда, выявил тенденцию, когда арбитражные суды удовлетворяли виндикационные иски к организациям, которые на законном основании удерживали имущество истцов, а квалифицировали действия этих организаций, как самоуправные. В решениях суда без какой-либо мотивации указывалось на то,

что удержание по ст. 359 ГК РФ к рассматриваемым случаям не относится. В связи с этим у автора данной статьи возник вполне резонный вопрос. А существует ли реально данный институт, и применим ли он в практической деятельности, или же это просто юридическая фикция [16, с. 7].

Анализируя сложившееся положение, у автора напрашивается вывод: очевидно, из-за неполного, нечеткого, правового регулирования этого института, суды стараются не применять нормы об удержании, дабы избежать затруднительных ситуаций, когда они не уверены в правомерности применения этого обеспечительного способа.

Таким образом, поскольку законодатель не исключил недвижимое имущество из объектов права удержания (ст. 359 ГК РФ), но обошел вниманием вопрос о необходимости государственной регистрации удержания, как обременения, напрашивается вывод о возможности применения удержания недвижимого имущества для обеспечения исполнения обязательств, но имеется необходимость совершенствования правового регулирования этого института. Если у ретентора возникает законное право владения на чужую недвижимую вещь, необходима государственная регистрация этого обременения. Как было уже отмечено, ряд авторов не считают это препятствием для удержания недвижимого имущества, мотивируя тем обстоятельством, что перечень, содержащийся в Законе, не является исчерпывающим. Другие, как Р.С. Бевзенко вообще считают, что возникновение права на удержание и регистрационный режим, действующий в отношении прав на недвижимость, между собой никак не связаны. Фактическое обладание недвижимостью вполне осуществимо посредством совершения фактических действий, и никак не связано с реестром прав. Сторонники противоположного взгляда, по его мнению, смешивают фактическое владение недвижимым имуществом (физическое господство над вещью) и право владения недвижимостью, которое, как правило, возникает на основе соответствующей записи в реестре прав на недвижимое имущество [1, с. 766—767].

Представляется, что подобная неопределенность порождает различные толкования, поэтому нормы все-таки нуждаются в доработке.

В этом контексте заслуживает внимания предложение В.В. Витрянского, высказанное им когда-то в процессе обсуждения Концепции развития гражданского законодательства. По его мнению, выходом из этой ситуации явилось бы закрепление на законодательном уровне предлагаемой, в свете разработок по совершенствованию законодательства в области государственной регистрации недвижи-

мости, концепции об учреждении системы отметок, вносимых в Единый государственный реестр регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, которые не будут являться записями о государственной регистрации. К числу таких фактов, например, предлагается относить случаи беститульного владения недвижимостью, когда данное обстоятельство имеет значение владения для давности [3, с. 8—16].

Еще один выход, — это использование зарубежного опыта. В одном из докладов, сделанном 15 февраля 2002 года, С.В. Сарбаш продолжал отстаивать свою точку зрения о невозможности удержания недвижимого имущества и при этом сослался на свой опыт изучения его применения в Нидерландах. По его словам, голландцы допустили возможность в исключительных случаях использовать для удержания и недвижимость. Для того, чтобы участники оборота узнали об обременении вещи, на объекте недвижимости вывешивается листок, где указывается о том, что он удерживается. При этом С.В. Сарбаш высказал сомнение, по поводу пригодности этого метода для нашей страны, где культура населения не столь высока, а значит необходимо либо регистрировать удержание, либо отказаться вообще от удержания недвижимости, как это сделали в Германии [15].

Обращаясь к этому опыту Нидерландов, следует отметить, что речь идет не о необходимости регистрационного режима, а о том, как в отсутствие правил о государственной регистрации формализовать начало удержания вещи. Ведь именно с этого момента, момента начала удержания, встанет вопрос о возмещении издержек, понесенных на вещь в процессе ее удержания, о распределении прав и обязанностей сторон в правоотношении по удержанию. Если этот момент формализован, и кредитор и должник будут иметь четкое представление о том, что между ними возникло обязательственное правоотношение по поводу удержания недвижимой вещи, что будет способствовать укреплению правовой позиции кредитора.

Как справедливо указано Е.П. Марисиной, необходимо разграничивать понятия «право удержания» и «удержание», поскольку они не являются тождественными. Право удержания — это обеспечительное субъективное гражданское право, а удержание — это осуществление управомоченным лицом права удержания, то есть длящийся процесс его реализации [9, с. 4].

Отсюда следует вывод о важности определения момента, с которого начался процесс удержания. Полагаем, это достижимо путем закрепления в законе обязанности кредитора в определенный установленный срок, с момента неисполнения обязательства, то есть

с момента возникновения права на удержание, уведомить должника о том, что он применяет в отношении находящейся в его владении вещи ее удержание. Такое извещение в соответствии новеллой ГК РФ — ст. 165.1 ГК РФ, вступившей в силу с 1 сентября 2013 года [17], будет иметь значение юридических значимого сообщения, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В любом случае, неопределенность в вопросе о возможности удержания недвижимого имущества диктует необходимость совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Список литературы:

1. Бевзенко Р.С. Практика применения Гражданского кодекса части первой / Под общей редакцией В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2009. — 1161 с.
2. Брагинский М., Витрянский В. Договорное право. Книга первая. М.: Статут, 1999. — 848 с.
3. Витрянский В. Пути совершенствования законодательства о недвижимом имуществе // Хозяйство и право. — 1999. — № 6. — С. 8—16.
4. Гонгало Б.М. Обеспечение исполнения обязательств / Б.М. Гонгало. М.: Изд-во Спарк, 1999. — 152 с.
5. Гражданский кодекс РФ / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.02.2014).
6. Ибрафайлов И. Особенности залога жилых домов и квартир // Хозяйство и право. — 1996 — № 11. — С. 48—50.
7. Кодекс торгового мореплавания РФ / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.01.2014).
8. Лазаренкова О.Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2007. — 24 с.
9. Марисина Е.П. Право удержания в гражданском праве России: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2008. — 29 с.
10. Определение Ростовского областного суда от 9 февраля 2012 г. по делу № 33—1660 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.01.2014).
11. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2012 г. по делу № А 65-7172/2011 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.01.2014).
12. Постановление ФАС Приморского края от 2 августа 1996 года Ф03 № 12-123 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kodeks.ru/noframe/com-arb-FASO>. (Дата обращения 15.02.2014).

13. Проект книги Первой Гражданского Уложения с объяснительной запиской редакционной комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1895. — 696 с.
14. Сарбаш С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М.: Статут, 1998. — 464 с.
15. Сарбаш С.В. Законодательство о способах обеспечения исполнения обязательств и практика его применения / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: // [http // privlaw.ru/old/z0605002_1502.html](http://privlaw.ru/old/z0605002_1502.html). (Дата обращения 15 июня 2007).
16. Тузов Н.А. Удержание имущества — действительное право или фикция // Арбитражная практика. — 2001. — № 4. — С. 7—9.
17. Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.02.2014).
18. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 15.02.2014).
19. Южанин Н.В. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств // Юрист. — 2003. — № 2. — С. 6—10.
20. Якушина Л.Н. Удержание в системе способов обеспечения исполнения обязательств: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Казань, 2002. — 17 с.

СЕКЦИЯ 6.

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Глеба Ольга Владимировна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт»,
доцент кафедры гражданского права и процесса филиала РГСУ,
РФ, г. Наро-Фоминске
E-mail: olga_gleba@mail.ru*

PROBLEMS OF INTERACTION OF FEDERAL AND REGIONAL BODIES ON THE ISSUES OF STATE SUPPORT FOR AGRICULTURE

Gleba Olga

*candidate of legal Sciences, associate Professor of the chair of civil law
disciplines of the ANO VPO «Odintsovsky humanitarian Institute»,
associate Professor of civil law and process of the branch in RSSU,
Russia, Naro-Fominsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблем государственной поддержки сельского хозяйства на современном этапе. Определена роль федерального и регионального уровней господдержки. На основе проведенного анализа выявлены основные тенденции и направления господдержки, даются рекомендации по совершенствованию системы мер государственной поддержки.

ABSTRACT

The condition of the state support at the present stage is analyzed in the article. The role the Federal and regional levels of state support is

defined. On the basis of the conducted analysis identified the main trends and directions of state support, given recommendation on the improvement of the system of state support measures.

Ключевые слова: государственная поддержка; сельское хозяйство; субсидии; целевые программы.

Keywords: the state support, agriculture, subsidy, target programs.

В сфере развития сельского хозяйства правовая система строится как на федеральном, так и региональном уровнях, что закреплено в федеральном законодательстве и заключаемых на его основе договорах о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и её субъектами. Поэтому и расходы на государственную поддержку сельского хозяйства финансируются совместно за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований.

Региональное правовое регулирование государственной поддержки сельского хозяйства весьма обширно, ввиду того, что Федеральным законом от 6 октября 1999 года (с изм. от 21.12.2013) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. 2 ст. 26.3) решение вопросов государственной поддержки сельскохозяйственного производства (за исключением мероприятий, предусмотренных федеральными целевыми программами) относится к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счёт средств бюджета субъекта РФ. По данному вопросу органы власти субъекта РФ имеют право принимать законы, иные нормативные правовые акты, в том числе региональные программы, вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право (п. 3.1. ст. 26.3) [1].

Правовые нормы, непосредственно посвящённые регулированию вопросов развития сельского хозяйства в субъектах РФ, закреплены и в основном акте аграрного законодательства — Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства» [2], где им отводится первоочередное место. В ст. 2 Закона «О развитии сельского хозяйства» [закреплено, что правовое регулирование отношений в сфере развития сельского хозяйства, устойчивого развития сельских территорий осуществляется, кроме различных федеральных актов, также законами и иными нормативными правовыми актами

субъектов РФ [2] (то есть Закон не определяет, какие именно вопросы развития сельского хозяйства должны регулироваться региональным законодательством). Более того, указанные отношения регулируются также нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Например, в соответствии с законодательством субъектов РФ, регулирующим передачу органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий по поддержке сельскохозяйственного производства [4], выплата субсидий по отдельным направлениям государственной поддержки осуществляется непосредственно уполномоченными органами муниципальных районов.

Поскольку в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» закреплены только общие направления поддержки сельского хозяйства, то субъекты РФ обязаны конкретизировать цели и задачи в области правового регулирования аграрных отношений вообще и государственной поддержки в частности в издаваемых ими нормативных правовых актах. Следовательно, именно на бюджеты субъектов РФ всё в большей степени возлагаются полномочия по обеспечению комплексного развития регионов, решению социальных проблем и вопросов развития сельского хозяйства.

В п. 4 ст. 17 Закона «О развитии сельского хозяйства» закреплена норма об информации, подлежащей обязательному размещению и обновлению на официальных сайтах уполномоченных органов государственной власти субъектов РФ. К ней относится, в частности, информация об издании региональными органами государственной власти нормативных правовых актов, устанавливающих порядок осуществления государственной поддержки сельского хозяйства [2].

Таким образом, субъекты РФ и муниципальные образования имеют право вводить дополнительные направления поддержки сельского хозяйства, в том числе в рамках региональных целевых программ. При этом аграрная политика регионов призвана, с одной стороны, учитывать приоритеты федеральной аграрной политики, а с другой, — решать специфические региональные проблемы, которые не находятся в сфере компетенции федеральных властей.

Действительно, «Федерация сильна тогда, когда законодательство субъектов РФ является продолжением федерального законодательства, детализируя и трансформируя его сообразно интересам Федерации и её субъектов» [13, с. 136].

Государственная поддержка регионами сельского хозяйства имеет под собой объективные причины: недостаточный уровень производства продовольствия в стране обуславливает необходимость задействования местных ресурсов; на региональные власти возложена

ответственность за продовольственное обеспечение населения, в их распоряжении находятся бюджетные средства для формирования продовольственных фондов; региональные власти постоянно сопрягаются с проблемами, которые происходят на селе, и в наибольшей степени при разработке и закреплении в нормативно-правовых актах конкретных мер государственной поддержки способны учитывать экономические возможности, природно-климатические условия, а также национально-территориальные особенности своего региона.

Поэтому некоторые субъекты Российской Федерации стали принимать законы, специально посвящённые вопросам комплексного регулирования государственной поддержки сельского хозяйства в своём регионе. В указанных законах устанавливается круг субъектов — получателей государственной поддержки, её приоритетные направления, а также порядок и условия предоставления такой поддержки с указанием источников финансирования. Такие Законы были приняты в Тюменской области 8 декабря 2004 г. «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Тюменской области» [5], Ивановской области 10 ноября 2005 г. «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Ивановской области» [6], Сахалинской области 4 июля 2006 г. «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Сахалинской области» [7] и других регионах.

Разумеется, Россия, как любое федеративное государство, не может обходиться без финансовой помощи регионам, нуждающимся в ней по объективным причинам. Основу такой помощи составляют межбюджетные трансферты, которые предоставляются из специальных фондов федерального бюджета бюджетам субъектов РФ.

Финансовые отношения между федеральными, региональными и местными органами власти не только связывают воедино бюджетную систему государства, но и обеспечивают её эффективное функционирование за счёт достижения для всех регионов уровня бюджетной обеспеченности. Именно поэтому вопросам организации межбюджетных отношений уделяется весьма значительное внимание в трудах отечественных юристов и экономистов [10, 11, 12].

Процесс развития порядка взаимодействия федеральных и региональных органов власти по реализации мер государственной поддержки сельского хозяйства проходил в несколько этапов, в условиях постоянного изменения количества форм и объёмов финансовой помощи из федерального бюджета и, как следствие, усложнения порядка её предоставления и согласования между собой.

Принципиальные изменения финансовых взаимоотношений бюджетов различных уровней произошли в течение последних 15-ти лет. В настоящее время они строятся на основе принципов бюджетного федерализма, повышения бюджетной дисциплины, прозрачности и стабильности распределения финансовых ресурсов.

Упорядочению финансовых взаимоотношений бюджетов различных уровней по вопросам осуществления государственной поддержки сельского хозяйства способствовало Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2005 г. № 190 «Об установлении условий и критериев определения размера субсидий, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для осуществления государственной поддержки в сфере агропромышленного комплекса, и правил их предоставления» [3].

В соответствии с действующим законодательством выделение субсидий происходит по следующей *схеме*. Субсидии из федерального бюджета предоставляются бюджетам субъектов РФ на основании соглашения о предоставлении субсидии, заключаемого Министерством сельского хозяйства РФ с органом, уполномоченным высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации на его реализацию. Выступая главным распорядителем федерального аграрного бюджета и руководствуясь Правилами предоставления субсидий, Министерство сельского хозяйства РФ осуществляет финансирование мероприятий по поддержке сельскохозяйственного производства в пределах установленных субъекту лимитов бюджетных средств.

Следующим этапом предоставления субсидий является непосредственное распределение выделенного субъекту лимита субсидий между сельскохозяйственными товаропроизводителями, которое осуществляется специально уполномоченным органом власти субъекта РФ с учётом правил и нормативов, установленных Правительством РФ. Ежегодно в федеральном законе о федеральном бюджете на соответствующий год определяется сумма средств, направляемых на субсидирование различных направлений поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Следует отметить, что на федеральном уровне отсутствует нормативный правовой акт, который должен определять условия получения субсидий непосредственно сельскохозяйственными товаропроизводителями. В настоящее время этот порядок, включая категории лиц — получателей государственной поддержки, определяется каждым регионом самостоятельно в утверждаемых ими нормативных актах (законах, постановлениях Правительства

субъектов РФ и пр.), которые зачастую не гарантируют сельскохозяйственным товаропроизводителям право на получение государственной поддержки. В частности, ввиду того, что закреплённое в ст. 3 Закона «О развитии сельского хозяйства» [2] понятие сельскохозяйственный товаропроизводитель применяется исключительно в интересах Закона «О развитии сельского хозяйства», то субъекты РФ стали устанавливать в своих нормативных правовых актах существенно отличающийся от общефедерального круг лиц, включаемых в понятие сельскохозяйственный товаропроизводитель, то расширяя, то сужая его. В этом проявляется один из главных недостатков действующего регионального законодательства по вопросам государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Кроме того, на федеральном уровне механизм государственной поддержки прописан лишь частично, а именно, в отношении регулирования порядка предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ. Непосредственное же доведение бюджетных средств до конечных получателей передано на усмотрение региональных органов власти, что свидетельствует об отсутствии единого концептуального подхода к данному вопросу, а также недостаточности его правового регулирования, ввиду чего сельскохозяйственные товаропроизводители не всегда получают причитающиеся им субсидии. В этой связи необходимо закрепить порядок предоставления субсидий в соответствующем постановлении Правительства РФ, в котором должны быть чётко прописаны: категории лиц, имеющих право на получение субсидий, а также перечень оснований отказа в предоставлении субсидий, чтобы в случае необоснованного отказа сельскохозяйственный товаропроизводитель смог осуществить защиту своих прав.

Например, в Калужской области действует несколько постановлений Правительства и целевых программ, которые регламентируют порядок и условия предоставления субсидий по различным направлениям поддержки сельского хозяйства: социальное развитие села, сельскохозяйственных потребительских кооперативов, собственно аграрного производства (например, субсидии на реализацию продукции, на содержание и приобретение племенного скота, инкубационного яйца, на приобретение техники для заготовки кормов и доильных залов и пр.) [8, 9]. Конечно, такое многообразие нормативных правовых актов направлено на стимулирование сельскохозяйственного производства и развитие сельских территорий. Однако при этом оно создаёт трудности для сельскохозяйственных товаропроизводителей, которым достаточно сложно разобраться,

по каким направлениям государственной поддержки они могут получать субсидии.

Поэтому было бы целесообразно в каждом субъекте РФ все направления бюджетного финансирования сельского хозяйства объединить в единую региональную программу социально-экономического развития сельского хозяйства, имеющую долгосрочный характер, например, на период до 2020 года. Это необходимо для создания участникам программных мероприятий стабильных гарантий на получение бюджетных средств, так как многие проекты в сельском хозяйстве имеют длительные сроки окупаемости.

Структурно такая программа может иметь четыре раздела. Первый — меры поддержки, направленные на стимулирование инновационного развития отрасли. Это поддержка приоритетных отраслей, имеющих существенное значение для региона (племенного животноводства и элитного семеноводства, производство льна, производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции и пр.), а также сопутствующих им мер поддержки в случае возникновения, например, стихийных бедствий или заболеваний животных. Второй — меры, направленные на поддержку инвестиционных проектов по строительству и приобретению основных фондов, мелиорации земель и пр. Третий — меры по обеспечению жизнедеятельности граждан, проживающих на селе. Четвёртый — меры, связанные с поддержкой информационно-консультационных услуг, научно-технических разработок и обучения кадров для работы в сельском хозяйстве. В каждом из этих разделов должна быть раскрыта процедура предоставления субсидий.

В Программе должны быть чётко отражены вопросы долгосрочности закреплённых в ней мер государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, а также определены источники финансирования по каждому из вышеуказанных разделов (поддержка из федерального бюджета, из бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований), то есть должна быть закреплена трёхуровневая система поддержки с определением ориентировочных объёмов выделения из областного бюджета финансовых средств на конкретные направления поддержки с разбивкой по годам.

В результате объединения в одном документе всего, что касается развития сельского хозяйства, получится комплексный законодательный акт, имеющий прямое действие и понятный сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 6 октября 1999 года (с изм. от 21.12.2013) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»// Российская газета от 25 декабря 2013 г. № 291.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. (ред. от 23 июля 2013 г.) «О развитии сельского хозяйства»// СЗ РФ. — 2013 г. — № 30 (часть I). — Ст. 4069.
3. Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2005 г. № 190 «Об установлении условий и критериев определения размера субсидий, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для осуществления государственной поддержки в сфере агропромышленного комплекса, и правил их предоставления»// СЗ РФ. — 2005. — № 15. — Ст. 1352.
4. Закон Пермского края от 19.12.2006 № 48-КЗ «О передаче органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий по поддержке сельскохозяйственного производства»//СЗ Пермского края. 2007. 32 (ч. 2).
5. Закон Тюменской области 8 декабря 2004 г. «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Тюменской области»// Вестник Тюменской областной Думы. 2004. № 15 (ч. 2).
6. Закон Ивановской области 10 ноября 2005 г. «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Ивановской области»// Собрание законодательства Ивановской области. 2005. № 23 (281).
7. Закон Сахалинской области 4 июля 2006 г. «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Сахалинской области»/[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.pravo.levonevsky.org. (дата обращения 13.01.2014).
8. Постановление Правительства Калужской обл. от 15.02.2013 г. № 72 «Об утверждении Положения о порядке предоставления из областного бюджета субсидий в рамках долгосрочной целевой программы «Развитие сельского хозяйства и рынков сельскохозяйственной продукции в Калужской области на 2013—2020 годы» на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, и займам, полученным в сельскохозяйственных потребительских кооперативах»// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL://www.regionz.ru/index.php?ds=2047730 (дата обращения 15.01.2014).
9. Постановление Правительства Калужской обл. от 20.02.2003 г. № 39 (ред. от 29.02.2012) «Об утверждении Положения о порядке и условиях предоставления субсидий на поддержку кадрового потенциала сельскохозяйственного производства Калужской области»// Весть. 2012. № 229—232.
10. Игудин А.Г. Некоторые проблемы реформирования межбюджетных отношений// Финансы. — 2003. — № 3. — С. 8—11.

11. Ниязметов А.К. Тенденция развития межбюджетных отношений в РФ// Финансы и кредит. — 2009. — № 11. — С. 36—39.
12. Евсеенкова З. Межбюджетные отношения в РФ в 2009—2011 гг.// Бюджет. 2008. № 6.
13. Петелина И.В. Оптимизация соотношения федерального и регионального законодательства – необходимые условия совершенствования российской правовой системы // Правоведение. — 1998. — № 1. — С. 136.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Ращупкина Людмила Валерьевна

*канд. юрид. наук, старший преподаватель ВЮИ ФСИН России,
РФ, г. Владимир*

Солоухина Светлана Вячеславовна

*преподаватель ВЮИ ФСИН России,
РФ, г. Владимир
E-mail: svsolona@mail.ru*

ECOLOGICAL SENSE OF JUSTICE IN SYSTEM OF THE ECOLOGICAL LAW AND ORDER

Lyudmila Rashchupkina

*candidate of juridical sciences, senior lecturer of Vladimir Law Institute
of the Federal Service of Execution of Sentences of the RF,
Russia, Vladimir*

Svetlana Soloukhina

*lecturer of Vladimir Law Institute of the Federal Service of Execution
of Sentences of the RF,
Russia, Vladimir*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается актуальная проблема экологического правопорядка, структурным элементом которого является экологи-

ческое правосознание общества. Представляется, экологическое правосознание как одна из форм экологического сознания диктует человеку правила поведения в окружающей его природной среде и позволяет преодолеть экологический и эколого-правовой нигилизм в обществе. Решение проблемы состоит в дальнейшем совершенствовании, развитии экологического сознания и экологической культуры населения страны в целом.

ABSTRACT

The article considers the actual problem of the environmental law, a structural element of which is the environmental awareness of the society. It seems, ecological legal consciousness as a form of environmental consciousness dictates to man the rules of conduct in the surrounding natural environment and allows you to overcome the ecological and ecological-legal nihilism in society. The solution consists in further improvement, development of ecological consciousness and ecological culture of the population of the country as a whole.

Ключевые слова: правовой порядок (правопорядок); экологический правопорядок; теория правосознания; эколого-правовая психология; экологическая культура; обеспечение экологической безопасности; экологическое мышление; государственная экологическая политика.

Keywords: the legal order (rule of law); environmental law and order; theory of sense of justice (theory of legal awareness); ecological and legal psychology; ecological culture; ensuring environmental safety; ecological thinking; state environmental policy.

Правовой порядок складывается и существует под влиянием правовых норм и предписаний, изданных или одобренных государством. Гарантом стабильности и реальности правового порядка выступает государство с его нравственным авторитетом и реальным аппаратом принуждения к соблюдению требований правопорядка настоящего времени. Исходным началом правопорядка, условием его существования выступает право как совокупность правил поведения (норм), выражающих государственную волю. Между тем нет правового порядка вообще. Он мыслим лишь как совокупность сложившихся правовых отношений в обществе. Естественно полагать, что в реальной действительности каждому виду правовых отношений присущ соответствующий им правовой порядок: конституционный, административный и другие. Правовой порядок складывается

и существует как результат воздействия действующего законодательства на общественные отношения.

Термин «экологический правопорядок» нечасто встречается в законодательстве, впервые он был употреблен в Законе РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [3]. О.Л. Дубовик определила экологический правопорядок как вид правового порядка, определившегося в гражданском обществе как результат и состояние существующей совокупности правоотношений, сложившихся по поводу охраны среды обитания человека и бережного, рационального использования природных ресурсов, объектов и комплексов, главным назначением которого является обеспечение экологической безопасности населения и территорий России [2, с. 160]. Как юридическое явление экологический правопорядок формируется на базе государственно-правовых предписаний, ориентирующих членов российского общества на сохранение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности живущего и будущих поколений людей. Без этих правовых норм нет и не может быть экологического правопорядка. Они — изначальная основа экологического правопорядка.

Правила поведения (нормы), предписанные в экологическом законодательстве, — это «бумажные» правила. Они приобретают свою реальность и «живут» в поведении, действиях субъектов экологического правопорядка, которыми, как полагают авторы, являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, граждане и юридические лица, занятые предпринимательской и иной деятельностью, влияющей на состояние окружающей среды. Все они в той или иной мере являются носителями экологических прав и экологических обязанностей, определяющих содержание экологических правоотношений.

Предписания экологического права реализуются в упорядоченную систему экологических правоотношений посредством решений, поступков и действий субъектов экологического правопорядка. Чтобы правопорядок достиг предписанного правового уровня (качества) законности, он должен формироваться только правомерными действиями и поступками субъектов экологического правопорядка. Это возможно лишь тогда, когда названные субъекты сами обладают определенным уровнем экологического правосознания. Объективно такой вид правосознания существует в действительности.

Согласно общепризнанным положениям общей теории права, правосознание — это совокупность представлений и чувств,

выражающих отношение людей, социальных общностей к действующему или желаемому праву [11, с. 611].

Теория правосознания в российском правоведении нашла свое обоснование в учебной и монографической литературе. Правосознание имеет сложную структуру, которая складывается, прежде всего, из двух элементов: правовой психологии и правовой идеологии. Содержанием правовой психологии выступают чувства, эмоции, переживания, настроения, привычки, стереотипы, которые возникают у людей в связи с оценкой ими существующих юридических норм и практики их реализации. Это в равной мере имеет место применительно к экологическому законодательству и практике его применения. Следовательно, можно утверждать, что существует эколого-правовая психология.

Правовая идеология как элемент правового сознания — это совокупность юридических идей, теорий, взглядов, которые в концептуальном, систематизированном виде отражают и оценивают правовую реальность. Она стремится к выявлению сущности социального смысла, природы права, пытается его представить в виде законченной культурно-исторической философии и догмы.

Правовая идеология, лежащая в основе экологического права России, в настоящее время наиболее обобщена и выражена в Экологической доктрине Российской Федерации [10].

Анализ общеправовой концепции структуры правосознания указывает на истоки различных ее элементов. Они тоже различны: правовая психология формируется под влиянием эмпирического, обыденного опыта повседневной человеческой деятельности, правовая идеология — результат целенаправленного ее воспитания. Следовательно, эколого-правовое сознание законопослушных субъектов экологического правопорядка нуждается в его формировании и воспитании, используя для этого имеющиеся у государства и общества средства воздействия.

Два взаимосвязанных вида деятельности — воспитание и образование — рассматриваются в качестве мер повышения экологической культуры. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» закладывает основы формирования экологической культуры посредством организации экологического образования, преподавания основ экологических знаний в образовательных учреждениях, экологической подготовки руководителей и специалистов, экологического просвещения. Экологическое образование выступает важнейшей составляющей экологической культуры. Экологическое образование представляет собой способ воздействия на разум людей через

формирование у них системы знаний, умений и навыков в сфере взаимоотношений общества и природы. Причем это должны быть знания и умения как естественнонаучные, так и правовые.

По утверждению М.В. Калининской, цель экологического образования состоит не столько в овладении методами экологических исследований, сколько в выработке нового массового сознания с новой системой ценностей и приоритетов, с новой этикой взаимоотношений человека с природой [5, с. 113]. С этих позиций наиболее предпочтительным представляется мнение Н.Д. Вершило, утверждающего, что экологическое образование в нашей стране официально признано одним из ведущих направлений совершенствования образовательных систем, поскольку оно формирует экологическое сознание, ответственное отношение к окружающей среде и здоровью, направленное на формирование здорового образа жизни, характеризующегося гармонией в отношении человека с окружающей средой, на обеспечение экологически безопасного устойчивого развития России и всего мирового сообщества [1, с. 164]. Экологическое воспитание представляет собой «способ воздействия на чувства людей, их сознание, взгляды и представления» [8, с. 161]. Экологическое воспитание и образование должны рассматриваться в приведенном выше понимании всегда в связке, поскольку фактически понимание образования дано в узком смысле, «вне культуры и нравственности, как всего лишь овладение систематизированными знаниями, навыками и умениями» [6, с. 234]. В этом случае логически создается необходимость рассматривать параллельно другой способ усвоения ценности науки, культуры, практики — воспитание, которое представляет собой по сути «культурное и нравственное образование».

Итак, посредством экологического образования так же, как посредством экологического воспитания, можно воздействовать на сознание людей, на их представления и взгляды.

Выступая структурным элементом экологического правопорядка, экологическое правосознание общества неразрывно связано с экологическими интересами общества. М. Пономарев отмечает, что именно экологическое сознание и экологическое правосознание как одна из его форм диктует человеку правила поведения в окружающей его природной среде и позволяет преодолеть экологический и эколого-правовой нигилизм в обществе [9, с. 94]. Высокий уровень экологического сознания обеспечит разумное и ответственное взаимодействие человека и общества с природой. Следует признать, что экологическое законодательство России, насчитывающее значительное число законодательных актов, регулирующих обеспечение

экологической безопасности и отношения по охране окружающей среды, настоятельно требует дальнейшего совершенствования, развития экологического сознания и экологической культуры населения страны в целом.

В литературе понятие экологического сознания недостаточно изучено. Однако определения этого явления существуют. Например, С.Н. Кравченко рассматривает экологическое сознание как «систему взглядов, идей, теорий (политических, правовых, этических) по поводу взаимодействия между обществом и природой, отношения человека к природе» [7, с. 102]. Кроме того, исследователи определяют экологическое сознание в узком и широком смыслах. В узком смысле экологическое сознание (мышление) представляется как «в целом адекватно-истинное отражение глубоких диалектических связей и одновременно различий человека и природы, понимание закономерностей развития данной системы и ее основных элементов, условий и путей ее гармоничного оптимального функционирования» [12, с. 15]. В широком смысле экологическое сознание (мышление) означает в той или иной степени способ отражения связи, единства и различия человека и природы как составных частей социально-экологической системы. Отражение может быть и односторонним, абсолютизирующим роль и значение составляющих данной системы или недостаточно соответствующим их связи и различию. Ярким примером неадекватного в целом отражения связи человека и природы является антропоморфное миропонимание.

По мнению авторов, определение экологического мышления как уровня знаний, культуры, воспитания, «при котором каждый в своей профессиональной и непрофессиональной деятельности преследует цели создания и организации наилучших условий психоэмоциональной, природной и общественной среды для дальнейшего развития человека, сохранения и развития его здоровья» [4, с. 29], либо как системы взглядов, идей, теорий [7, с. 102], не является верным ввиду того, что экологическое мышление как разновидность, частный случай мышления вообще должно быть определено с учетом существующих подходов к понятию мышления.

Мышление представляет собой целенаправленное, опосредованное и обобщенное познание субъектами существующих связей и отношений предметов и явлений, творческое созидание новых идей, прогнозирование событий и действий. Следовательно, характеризовать мышление, в том числе экологическое, необходимо как процесс, деятельность.

Приведенное определение экологического сознания (мышления) в узком смысле представляется авторам наиболее верным.

Опыт мирового и отечественного развития показывает, что разработка стратегии экологического сознания должна вестись параллельно с разработкой стратегии и тактики привлечения населения, всего общества к реализации (а возможно, и разработке) государственной экологической политики.

Таким образом, экологический правопорядок — это вид правового порядка, определившегося в сфере взаимодействия общества и природы, по поводу природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, направленной на создание благоприятной окружающей среды основанных на праве и законности, складывающихся в результате правомерной деятельности субъектов права и обеспечиваемых государственными органами и иными субъектами. Экологическое сознание выступает в качестве центрального элемента комплекса взаимодействия человека и окружающей среды. Экологическое сознание отражает отношение социального субъекта (личности, группы) к среде обитания. Экологическое сознание формирует процесс выработки и усвоения субъектом определенных норм поведения по отношению к природе, а правопорядок есть тот юридический итог, к которому стремится и государственная власть, и все субъекты права, используя лишь различные пути.

Список литературы:

1. Вершило Н.Д. Эколого-правовые основы устойчивого развития / Под. ред. М.М. Бринчука. М.: Формула права, 2008. — 320 с.
2. Дубовик О.Л. Экологическое право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. — 720 с.
3. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // ВСНД и ВС РСФСР. 1992. № 10. Ст. 457. (В редакциях: Закон Российской Федерации № 2397-1 от 21.02.1992, № 5076-1 от 02.06.1993; Федеральных законов № 93-ФЗ от 10.07.2001, № 7-ФЗ от 10.01.2002 // СПС «Гарант»). (Дата обращения 20.02.14).
4. Казначеев В.П., Яншин А.Л. Научно-технический прогресс, экология и экологическое образование // Экологическая проблема в современной глобалистике (сущность, пути решения). М.: Знание, 1985. — 64 с.
5. Калининкова М.В. Экологическое общество: проблемы становления (социологический анализ). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. — 376 с.
6. Канке В.А. Философия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1998. — 352 с.

7. Кравченко С.Н. Социально-психологические аспекты правовой охраны окружающей среды. Львов: Вища школа, 1988. — 155 с.
8. Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к Закону России. М., 1993. — 366 с.
9. Пономарев М. О роли экологических интересов общества в развитии системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды и природопользования // Право и экономика. — 2006. — № 12. — С. 93—96.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Экологическая доктрина Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.
11. Теория государства и права: курс лекций / Под ред Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. — 776 с.
12. Экологическая безопасность: какие дороги ведут к цели / Бритов В.А., Верещагин В.Ю., Красилов В.А., Кулебякин Е.В. (Из цикла: «О перестройке мышления»). Вып. 3. М.: Знание, 1990. — 64 с. (Новое в жизни, науке, технике).

СЕКЦИЯ 7.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КОНТРОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Пестова Оксана Юрьевна

*соискатель ученой степени канд. юрид. наук кафедры теории
государства и права, международного и европейского права
Академии ФСИН России,
РФ, г. Рязань
E-mail: sestryxh@mail.ru*

CONTROL OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS OF MEDICAL ACTIVITY OF CRIMINAL AND EXECUTIVE SYSTEM

Oksana Pestova

*competitor degree of Candidate of Legal Sciences Department of Theory
of State and Law, International and European Law
FSIN Russian Academy,
Russia, Ryazan*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена контролю Уполномоченного по правам человека за пенитенциарной системой в сфере оказания медицинской помощи заключенным.

ABSTRACT

The article is devoted to the control of the Commissioner for Human Rights for the prison system in the provision of health care to prisoners.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека; контроль; медицинское обеспечение; здоровье заключенных; пенитенциарная система.

Keywords: Commissioner for human rights; control; armamentarium; health of prisoners; penitentiary system.

Статус Уполномоченного по правам человека определен Конституцией РФ 1993 года.

Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» был принят 26 февраля 1997 года, исходя из которого Уполномоченный по правам человека (далее — Уполномоченный) призван осуществлять на территории России контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [1].

Особое внимание Уполномоченный уделяет пенитенциарной системе. Это связано с тем, что для лиц, лишенных свободы, реализация их конституционных прав конкретизируется в обеспечении реальных прав: на жизнь, здоровье, личную безопасность, свободу от пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения и т. д. Осужденные, зачастую, являются во многом зависимыми от деятельности персонала в пенитенциарных учреждениях и у них существенно ограничены возможности по защите своих прав и законных интересов. Поэтому деятельность персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, находится под постоянным контролем Уполномоченного.

Согласно ст. 21 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» предусматривается возможность беспрепятственного посещения пенитенциарных учреждений при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты. Часть 2 ст. 23 № 1- ФКЗ от 26 февраля 1997 года закрепляет право Уполномоченного на безотлагательный прием руководителями и другими должностными лицами учреждений и органов, исполняющих наказания, по вопросам своей деятельности [8].

Данное право о разрешении посещать учреждения, исполняющие наказания, в уголовно-исполнительном законодательстве закрепилось в 1998 году в ст. 38 Закона РФ № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 года [9] и ст. 24 УИК РФ в 2003 году.

Хорошо зарекомендовала себя на практике такая форма контроля, как посещение. Во время визитов исправительных учреждений Уполномоченный и его подчиненные имеют возможность лично проверить соблюдение прав и законных интересов осужденных, соответствие условий их содержания требованиям нормативно установленных стандартов, побеседовать с осужденными и персоналом, при необходимости получить и рассмотреть жалобы.

Любое посещение Уполномоченного заканчивается обсуждением мер по улучшению положения с правами человека и направлением соответствующих обращений в заинтересованные министерства и ведомства. Основная тематика обращений посвящена вопросам необоснованного применения физической силы и специальных средств к осужденным, питания осужденных, оказания медицинской помощи и распространения туберкулеза среди осужденных и персонала и др.

Главной формой реализации контрольной функции Уполномоченного является сам процесс рассмотрения жалоб. К нему могут обратиться как граждане России, так и иностранные граждане, так и лица без гражданства. Кроме того, с жалобами могут обращаться законные представители осужденных, родственники и адвокаты.

При проведении проверки Уполномоченный наделен широкими полномочиями: например, он вправе беспрепятственно посещать все учреждения и органы пенитенциарной системы; запрашивать и получать от ФСИН России и ее подразделений и у должностных лиц и государственных служащих сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалобы; получать объяснения по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы; проводить проверку деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, и должностных лиц и др.

По результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный вправе осуществить ряд действий: обратиться в суд с заявлением в защиту нарушенных прав и свобод, а также лично или через своего представителя участвовать в процессе; обратиться с ходатайством к руководителям учреждений и органов, исполняющих наказания, о возбуждении дисциплинарного производства, а в органы прокуратуры — уголовного дела в отношении должностного лица, нарушившего права осужденного. Способ восстановления нарушенных прав Уполномоченный определяет самостоятельно исходя из характера и масштаба нарушения, обстоятельств его совершения, личности виновных и др.

Самое действенное реагирование Уполномоченного при рассмотрении жалобы заключенного является заключение, которое содержит

рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления нарушенных прав и свобод.

Наряду с рассмотрением жалоб Уполномоченный контролирует деятельность персонала пенитенциарной системы и в иных формах. По вопросам своей деятельности Уполномоченный пользуется правом безотлагательного приема руководителями и другими должностными лицами учреждений и органов, исполняющих наказания. Как верно отметил в своем исследовании С.М. Зубарев, такое право является особенно важным при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты. Кроме того, как отмечает автор, у Уполномоченного есть право принять по собственной инициативе и иные меры в пределах своей компетенции [7, с. 263].

Все же, особой формой реагирования на нарушения прав человека являются ежегодные доклады Уполномоченного парламенту, а также ежегодные доклады Уполномоченных в субъектах РФ.

Анализ обращений осужденных показывает, что значительное место среди обращений в 2011—2012 годах к Уполномоченным по субъектам РФ занимают вопросы медицинского обеспечения осужденных и лиц, заключенных под стражу. Все это связано с тем, что реализацией права на охрану здоровья осужденным в системе исполнения уголовного наказания является властность субъекта, обязанного оказывать медицинскую помощь, подчиненность системы здравоохранения режимным требованиям и оперативным службам, закрытость учреждений уголовно-исполнительной системы, невозможность выбора лицами, отбывающими наказание, медицинского учреждения, лечащего врача и медицинских препаратов.

Каковы основные жалобы осужденных:

Во-первых, это жалобы, связанные с качеством оказания медицинской помощи в местах лишения свободы.

К Уполномоченному по Калужской области, обратилась мать осужденного Б. (дело № 757-12) по вопросу организации медицинского обеспечения осужденного сына заявительницы и качества оказания медицинской помощи в исправительном учреждении.

Для оказания содействия Б. Уполномоченный направил запрос в УФСИН России по Калужской области. Как следует из ответа, осужденный сын заявительницы Б. проходит обследования и неоднократно находился на стационарном лечении в исправительном учреждении с диагнозом: сахарный диабет 1 тип,

инсулинозависимый, тяжелое течение, декомпенсация. Больному постоянно проводятся соответствующие анализы, вывозится на консультации эндокринолога, других специалистов в районную больницу. Подготовлены документы на МСЭК, осужденному назначена 3 группа инвалидности.

Рекомендовано и проведено оперативное лечение в хирургическом отделении районной больницы межмышечной флегмоны правого бедра. Больной получает диетпитание по анемии [1, с. 115].

Во-вторых, это несвоевременное оказание медицинской помощи в местах лишения свободы, либо оказание её не в полном объеме, на отсутствие или нехватку необходимых лекарственных препаратов и пр.

К Уполномоченному с жалобой обратилась мать осужденного Г, отбывающего наказание в ИК-8 ГУФСИН России по Республике Коми, в своей жалобе указала, что сын в течение 3-х недель страдает острой зубной болью, которую приглушает обезболивающими таблетками. После обращения Уполномоченного к руководству ГУФСИН России по Республике Коми, осужденный был этапирован ФКЛПУ Б-18 для обследования и прохождения лечения у врача-стоматолога, после чего был выписан в свое подразделение. В настоящее время в данном учреждении ставка зубного врача укомплектована, стоматологическая помощь спецконтингенту осуществляется в полном объеме [2, с. 92—93].

В-третьих, жалобы, связанные с ненадлежащей организацией работы медицинской части.

Во время посещения ФКУ ИК-29 УФСИН России по Кировской области 30.08.2011 года Уполномоченный стал свидетелем того, как осужденные в количестве более 20 человек вынуждены были свыше часа без уважительных на то причин ожидать оказания медицинской помощи. В указанное для приема время — с 15 часов до 18 часов для медицинских работников отведено время для обеда (до 16 часов). В целях восстановления прав и законных интересов осужденных Уполномоченный обратился к руководству УФСИН России по Кировской области с просьбой навести в данном вопросе порядок. Просьба Уполномоченного была удовлетворена [3, с. 38].

Четвертая группа жалоб посвящена ненадлежащим условиям содержания осужденных, которые в последующем могут приводить к различным формам развития заболеваний.

В ходе проверки ГУФСИН России по Республике Коми, в соответствии с актом проведения санитарно-эпидемиологической проверки было установлено, что в камере ШИЗО № 1 ФКУ ЛИУ-3,

где содержался осужденный в период с 18.11.2011 по 28.11.2011, действительно отсутствует возможность проведения влажной уборки, поскольку стены и потолок побелены, не оборудован защитный экран санитарного узла. В отряде № 2 ФКУ ЛИУ-3, где отбывает наказание осужденный, отсутствует вытяжная вентиляция.

В связи с указанными нарушениями в адрес начальника ФКУ ЛИУ-3 внесено представление об устранении нарушения уголовно-исполнительного законодательства РФ в части материально-бытового обслуживания осужденных [4, с. 94].

Также при выездной проверке УФСИН России по Кировской области было выявлено, что осужденный, проходя лечение в медицинской части учреждения, содержался в палате, в которой отсутствует окно. После обращения Уполномоченного к УФСИН России по Кировской области он был переведен в палату медицинской части, соответствующую установленным требованиям [5, с.56].

Анализ большинства докладов Уполномоченных в субъектах РФ позволяют автору сделать вывод о том, что основной проблемой, которая сложилась в настоящее время в медицинских службах учреждений, исполняющих наказание, является фактический износ или отсутствие должного медицинского оборудования, например, во многих регионах не обновляются рентгено-диагностические, операционные, диагностические (УЗИ) оборудования, кабинеты функциональной диагностики.

Во-вторых, выделение денежных средств явно не соответствует реальным потребностям медицинских служб, учреждений исполняющих наказание.

В-третьих, неуккомплектованность штатов.

В-четвертых, начатый в 2010 году эксперимент по централизации медицинской службы, должен был быть направлен на централизацию аппарата и независимости ее от территориальных органов ФСИН. В настоящее время перестройка медицинских служб завершена практически во всех регионах России, но главную задачу по созданию полностью независимой медицинской службы от ведомственного контроля ФСИН, данный эксперимент не решает.

Подводя итог, большинство проблем в сфере контроля за медицинской деятельностью уголовно-исполнительной системы можно было бы избежать, по мнению Уполномоченного, если передать все функции медико-санитарного обеспечения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в ведение Минздрава России,

как оптимальный способ решения накопившихся проблем в этой сфере [6, с. 117].

Список литературы:

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Калужской области за 2012 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.ombudsman.kaluga.ru. — 218 с. (Дата обращения 15.02.2014).
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Коми за 2012 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.upch.rkomi.ru. — 138 с. (Дата обращения 15.02.2014).
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Кировской области за 2011 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.ombudsman.kirov.ru. — 67 с. (Дата обращения 15.02.2014).
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Коми за 2012 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.upch.rkomi.ru. — 138 с. (Дата обращения 15.02.2014).
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Кировской области за 2012 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.ombudsman.kirov.ru. — 65 с. (Дата обращения 15.02.2014).
6. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2012 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.ombudsmanrf.org. — 181 с. (Дата обращения 15.02.2014).
7. Зубарев С.М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы: Дис. ... д-ра юрид.наук. М., 2006. — 392 с.
8. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.
9. Федеральный закон от 21 июля 1998 года № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» // СЗ РФ. — 1998. — № 30. — Ст. 3613.

СЕКЦИЯ 8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЗАЩИТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЖЕНЩИН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Садуакасова Гулмарал Нурланкызы

*магистрант 2 курса, кафедры «Гражданского права
и гражданского процесса», Восточно-Казахстанского
Государственного Университета им. С. Аманжолова,
Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск*

E-mail: www.maral.kz@mail.ru

PROTECTION OF WOMEN'S POLITICAL RIGHTS UNDER THE LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

Gulmaral Saduakasova

*master's degree student of the 2nd year, Department of Civil Law
and Procedure, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan State University,
Republic of Kazakhstan, Ust Kamenogorsk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проанализированы законодательные акты Республики Казахстан и Российской Федерации с сфере защиты политических прав женщин, которые являются основным условием создания правового государства и равноправия женщин в системе управления государством.

ABSTRACT

This article examines legislative acts of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the sphere of protection of women's political rights which appear to be a basic condition of formation of the legal state and equality of women in the system of government of a state.

Ключевые слова: гендер; гендерная квота; позитивная дискриминация; гендерная ценза; избирательная система; женские партии; политическая активность женщин.

Keywords: gender; gender quota; positive discrimination; gender qualification; election system; female parties; political activity of women.

Обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин является необходимой предпосылкой и условием для построения правового государства. Поэтому длительная история борьбы женщин за политические права, активное и пассивное избирательное право, занимает одно из центральных мест в истории человечества. Рост общественно-политической активности женщин в советское время достигался посредством механизма квотирования. С 1935 по 1991 гг. в СССР женское представительство во властных структурах осуществлялось на основе 30 % квоты [13].

Начиная с 1991 года, в Казахстане происходит некоторое снижение численности женщин в органах законодательной и исполнительной власти. На выборах в Парламент РК 1999 года в партийные списки отдельных партий были включены только мужчины. Исключение составила «Партия Возрождения Казахстана», выдвинув равное количество кандидатов — женщин и мужчин [14, с. 13]. В настоящее время женщины все чаще проявляют активное участие в государственной жизни и выдвигают свои кандидатуры для поступления на государственную службу. На государственной службе доля женщин составляет 58 %, из них на политических должностях в центральных исполнительных органах — 8,8 %, на уровне принятия решений в регионах — 10,3 % [12, с. 68]

Повышенному вниманию женщин к государственной службе во многом способствует четкое соблюдение принципа равноправия, в соответствии с которым женщинам обеспечен равный с мужчинами доступ к государственной службе на основе конкурсного отбора, при соответствии квалификационным требованиям к государственной должности.

Следующим приоритетом государственной политики должно стать увеличение числа женщин кандидатов в выборные органы, достижение гендерного равенства в политической сфере общества. Для этого рекомендуют использовать метод политического квотирования.

Например, в Постановлении Правительства РК от 19 июля 1999 года «О национальном плане действий по улучшению положения женщин в РК» в разделе «Женщины в структурах власти» в 2000 году

обосновывалась необходимость проведения исследования о введении политического квотирования для участия женщин в представительных и исполнительных органах власти, политических партиях. В дискуссиях о механизмах достижения равенства мужчин и женщин в политической сфере введение квот всегда оценивалось неоднозначно. Противники политического квотирования считают, что факт введения квоты дискредитирует женщин как равноправных членов общества, лишая их возможности на равных основаниях избираться в государственные структуры власти. Сторонники «позитивной дискриминации» считают, что поддержка в политическом продвижении женщин необходима как временная мера до тех пор, пока не будут устранены барьеры на пути женщин в политику [16, с. 26].

Для продвижения казахстанских женщин в политику, для достижения ими гендерного баланса в политических структурах необходимо развитие гражданской инициативы самих женщин, приобретение ими опыта политической деятельности, получение лидерских навыков.

В то же время, политическая активность женщин может проявляться через участие их в выборах, то есть в электоральном поведении. Известно, что женщины по численности превышают мужчин, следовательно, женский электорат представляет собой огромную силу, прежде всего в количественном отношении. Помимо существования гендерных стереотипов, одной из причин низкой поддержки женского электората оказалась невысокая осведомленность респондентов о женщинах-кандидатах, баллотировавшихся по избирательным участкам, а также отсутствие гендерной направленности электоральных установок многих респондентов [1]. Таким образом, дефицит информации, отсутствие пропаганды женского участия в политике, низкий уровень политико-правовой культуры сокращают мотивацию женщин к участию в выборном процессе. Нежелание женского электората отдавать предпочтение женщинам, связано и со многими субъективными факторами. Перечисленное означает, что женский электорат пока еще менее устойчив, менее сплочен, чем у мужчин политиков.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что первым этапом на пути к занятию активной политической позиции женщин и стимулированию повышенной мотивации к отстаиванию и защите политических прав должно выступать упорядочение межрегионального взаимодействия наиболее активных групп женщин по вовлечению своих соотечественниц к участию в политическом процессе. В связи с этим, необходимо осуществлять активную

просветительскую деятельность в среде женского электората через государственные общественные организации. С целью реализации плана действий по гендерной политике, необходимо оказывать им правовую, и информационную поддержку.

В настоящее время проблема соотношения прав и реального участия женщин в управлении страной в Российской Федерации все больше привлекает внимание общества. Гендерный подход в политическом представительстве является частью социально-политических процессов, обуславливающих возрастанием дискриминационных практик по признаку пола, понижением социально-экономического статуса российских женщин. Важной особенностью современной России является процесс неуклонной феминизации общества. Россия — одна из наиболее феминизированных мировых держав, в которой женщины составляют уже 54 % населения (больше 10 млн., чем мужчин) [11]. Это значит, что государство, обладающее такой гендерной структурой населения и такими темпами распространения гендерной асимметрии «в пользу женщин», должно отличаться повышенной социальной ответственностью проводимой социальной политики. В связи с интеграции России в мировое сообщество, происходит влияние международных норм на российское законодательство. В последние десятилетия приняты следующие правовые документы: Указ Президента России «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» [15] (1993), «О повышении роли женщины в системе федеральных органов государственной власти и органов РФ» [9] (1996), постановление правительство РФ «Об утверждении национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» [10] и т. д. Представляется чрезвычайно актуальным анализ избирательного законодательства с позиции гендерной симметрии. В избирательном праве он модифицируется в нормативные стандарты прав: избирать и быть избранным. Равенство стандартов для двух полов в избирательном законодательстве не вызывает сомнений, но равенство возможностей весьма проблематично. Де-юре картина политических прав российских женщин выглядит вполне пристойно и благополучно, де-факто налицо неблагоприятные тенденции.

В реальной жизни женщины продолжают оставаться дискриминируемой социально-демографической группой. Дискриминация женщин на современном этапе проявляется, прежде всего, при реализации тех политических прав, которые непосредственно связаны с формированием политико-властных структур. Например,

в Государственной Думе 1995—1999 гг. из 225 депутатов в одномандатных округах женщин было — 31. В том числе: 10 — независимые, 3 (из 58) от КПРФ, 4 — Яблоко, 3 — «Женщины России», 2 — НДР, 2 — «Власть — народу!», 1 — «Общее дело», 1 — ПГЛ. По федеральным спискам положение еще хуже. Из 225 депутатов женщин — 15. КПРФ — 9 из 99, НДР — 3 из 45, Яблоко — 2 из 31, ЛДПР — 1 из 50. Таким образом, в нижней палате парламента по результатам выборов 1995 г. было 46 женщин, что составило 10,2 % и 89,8 % — мужчин. Таким образом, очевидным проявлением гендерной асимметрии стало падение уровня представительства женщин в структуре исполнительной и законодательной власти [4].

В последнее десятилетие наблюдается рост гражданской политической активности женщин. Женщины активно включились в процесс партийного строительства в современной России. В целом женщины составляют от 20 % до 50% общего состава политических партий. Однако представительство женщин в руководящих партийных органах неадекватно их численному составу: оно колеблется от 2 % до 15 %. Из 139 политических общественных объединений, имеющих право участвовать в выборах, 16 (11,51 %) возглавляют женщины [2].

Динамично развивается процесс становления массовых женских организаций. Женщины активно работают в партийных, общественных организациях различной направленности — экологических, благотворительных, правозащитных, творческих и др. В избирательных законах нет статей, подразумевающих прямую дискриминацию женщин, но они не содержат и мер, стимулирующих и поддерживающих продвижение женщин на выборах.

Следует учитывать и действие веками складывающихся стереотипов о «женском предназначении», на выборах действует принцип «гендерного ценза» по признаку пола, который работает через механизмы партийного отбора, системы контроля над финансированием выборной кампании, через доступ к СМИ. Негативно сказывается отсутствие целенаправленной работы по формированию благоприятного общественного мнения вокруг женщины — политика в СМИ [5, с. 16].

Среди социально-структурных факторов, стимулирующих политическое участие женщин, преобладающее значение имеет социально-экономический статус, определяемый, в первую очередь, уровнем образования, профессией и доходами. Высокая материальная обеспеченность приводит к формированию позитивного отношения к политической системе. Наблюдаемое в настоящее время экономическое принуждение к труду, принуждение к трате свободного

времени на самообеспечение продовольствием, завышенная норма эксплуатации живого труда, высокая безработица не способствуют росту политической активности женщин, их готовности и способности войти во властные структуры.

Исходя из вышеизложенного анализа, можно сделать следующие выводы, что реформирование избирательного законодательства и избирательной системы в Российской Федерации и в Республике Казахстан настоящее время еще не завершено. Предстоит устранить многие пробелы и противоречия федерального и регионального избирательного законодательства, уточнить статус избирательной системы.

Рассмотрев политические права и свободы женщин в двух соседствующих державах Республики Казахстан и Российской Федераций, автор предлагает сделать выводы относительно сходства двух законодательных систем. Итак, автор считает что, к сходствам относятся:

1. Схожие внутригосударственные правовые акты, направленные на обеспечение политических прав женщин.

2. Схожие международные-правовые акты по обеспечению политических прав женщин. Например, Конвенции ООН «О политических правах женщин» [6], Конвенцию ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» [7], Международный Пакт «О гражданских и политических правах» [8] и т. д.

3. В обоих государствах существуют центры гендерных исследований. В Республике Казахстан это — НИИ социальных и гендерных исследований ЖенПИ города Алматы, а в Российской Федерации это — МЦГИ Московский Центр Гендерных Исследований и Центр Гендерной экспертизы при информационно-аналитическом Управлении Совета Федерации.

4. В обеих странах наблюдается низкая политическая активность женщин.

5. Низкий процент женщин в политике. Процент женщин принимающих участие в политике в Республике Казахстан составляет 12,3 %, а согласно статистическим данным процент женщин принимающих участие в политике в Российской Федерации на 2011 год составило 17,2 % женщин [3].

6. Сохраняющиеся в обществе обоих государств стереотипы о роли женщины в обществе, патриархальный подход к вопросам равенства полов.

7. Недостаток механизмов продвижения женщин в политику.

8. Недостаточная поддержка инициатив женщин и женских организации со стороны государственных органов.

9. Отсутствие у политических партий стратегии и программ продвижения женщин во власть.

10. Фрагментарная деятельность женских неправительственных общественных объединений, разобщённость усилий женских организации, направленных на защиту интересов женщин;

11. Недостаток у женщин политического опыта;

12. Формальное равенства мужчин и женщин.

13. Исполнение не на обязательном уровне законодательных актов и международных договоров о защите политических прав женщин.

Рассмотрев сходства законодательства двух государств, дав описание политического положения в каждой из них, рассмотрев стратегические цели и задачи, рассмотрев и проанализировав все это автор пришел к выводу, что законодательство и политическая ситуация в отношении женщин в обеих странах очень схожи, что как автор считает, обуславливается близким географическим местонахождением Республики Казахстан и Российской Федераций, взглядами на культурные ценности, менталитетом и другими. Изучив мнения и работы советских, отечественных и зарубежных авторов, автор пришел к выводу, что современное политическое состояние женщин в Республике Казахстан и Российской Федераций недостаточно соответствуют требованиям общества, международных договоров и Конвенции.

Автор считает, что это обусловлено сохраняющимся в обществе стереотипами и роли женщин в обществе, патриархальным подходом в равенстве полов, иррациональными предрассудками, которые не способствуют политическому продвижению женщин, отсутствием у политических партии стратегии и программ по продвижению женщин во власть и другими факторами. Помимо необходимости реформирования правовой поддержки, для реализации в жизнь многочисленных статей российского и казахстанского законодательства в сфере защиты политических прав женщин, запрещающих дискриминацию по признаку пола, автор полагает, что недостает системы действенного контроля и надзора за соблюдением законодательных норм.

Список литературы:

1. Бектурганова Б. Краткие итоги годовичного мониторинга соблюдения политических прав женщин в Республике Казахстан // Газета «Навигатор». 2001. 22 октября.
2. Женщины и мужчины России 2006 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906.
3. Женщины и мужчины России 2012 год // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906.
4. Комплексный подход к проблеме равенства женщин и мужчин. Страсбург, май 1998. — С. 9.
5. Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин // Правовая основа обеспечения равных прав мужчин и женщин и равных возможностей их реализации. — С. 16.
6. Конвенции ООН «О политических правах женщин» № 2613 (от 1954 года) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/women.pdf.
7. Конвенцию ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (от 18 декабря 1979 года) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
8. Международный Пакт «О гражданских и политических правах» (от 16 декабря 1966 года) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
9. «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (№ 1005) (от 30 июня 1996 года) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.owl.ru/win/docum/rf/equality/note.htm>.
10. «Об утверждении национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» (№ 1032) (от 29 августа 1996 года) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.owl.ru/win/docum/rf/naz_mech/priloj.htm.
11. Поленина, Женщины и мужчины России. Крат. статистич. сб. М., 1999. — С. 104.
12. Сапаралиева С.М. Конституционно-правовая защита прав женщин в Республике Казахстан: Дисс... канд. юрид. наук. Алматы, 2005. — С. 68.

13. Сарсембаева Р.Б. «Реализация гендерной политики — путь в конкурентоспособный мир» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.businesswomen.kz/pubikacii-i-stati/5673-realizaciya-gendernoy-politikiput-v-konkurentosposobnyu-mir.html?lang=ru> (от 18 марта 2007 года).
14. Гленчиева Г. Проблемы и перспективы развития политической активности казахстанских женщин // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://articlekz.com/node/330> (от 2 февраля 2011 года).
15. Указ Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (№ 337) (от 4 марта 1993 года) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/ukazr.htm>.
16. Шведова Н.А. Квоты: благо или новые проблемы? // Женщина и власть. М.: Эслан, 2001. — С. 26—28.

СЕКЦИЯ 9.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

ЗАПРЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СПОСОБНЫХ ВЫЗВАТЬ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМОГО

Насонов Сергей Александрович

*канд. юрид. наук, доцент Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
РФ, г. Москва*

E-mail: sergei-nasonov@yandex.ru

PROHIBITION FOR THE EXAMINATION OF EVIDENCE THAT COULD AROUSE PREJUDICE OF JURY AGAINST DEFENDANT

Sergey Nasonov

*candidate of Juridical Sciences, associate professor
of Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам законодательного регулирования и применения в судебной практике запрета исследования доказательств, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого. Автор рассматривает условия, при наличии которых допускается исследование с участием присяжных «шокирующих» доказательств.

В статье раскрываются проблемы судебного толкования законодательных положений, регулирующих запрет на исследование указанных сведений с участием присяжных заседателей.

ABSTRACT

The article is devoted to questions of legislative control and application in judicial practice of prohibition for the examination of evidence that could arouse prejudice of jury against defendant. The author considers the conditions in the presence of which examination of “shocking” evidence with jury is allowed.

The article deals with judicial interpretation problems of legislative intents controlling prohibition for the examination of the stated information with jury.

Ключевые слова: производство в суде присяжных; предубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого; «шокирующие» доказательства; председательствующий судья.

Keywords: proceeding in jury; prejudice of jury against defendant; “shocking” evidence; presiding judge.

Важным проявлением оптимального регулирования производства в суде присяжных является наличие в законодательстве процессуальных гарантий, исключающих или обеспечивающих нейтрализацию незаконного воздействия на присяжных заседателей.

Одной из таких гарантий выступает законодательный запрет на исследование с участием присяжных заседателей данных, способных вызвать их предубеждение в отношении подсудимого.

К данным, способным вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого, помимо сведений о его личности, исследование которых регулируется ч. 8 ст. 335 УПК РФ, относятся т. н. «шокирующие» доказательства — вещественные доказательства, фотографии и т. п., способные оказать на присяжных заседателей чрезмерное эмоциональное воздействие и сформировать негативное отношение к подсудимому до вынесения вердикта.

Согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ запрещается исследовать «иные данные», способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Различные аспекты этого запрета можно выявить на основе анализа судебной практики.

Верховный Суд РФ в отдельных случаях признает правомерным отказ председательствующего в исследовании таких доказательств с участием присяжных заседателей, если они не имеют особого доказательственного значения, однако они могут вызвать предубеждение у присяжных: «Отказывая в обзрении присяжными заседателями фототаблицы осмотра трупов К. и Т., суд обоснованно указал, что они не могут быть представлены присяжным, так как трупы сфотографированы после их вскрытия и на них не видны

повреждения. Кроме того, внешний вид вскрытых трупов может оказать на присяжных эмоциональное воздействие и повлиять на принятие ими объективного решения» [7].

По другому делу Верховный Суд РФ подчеркнул отсутствие «доказательственной информации» в подобных сведениях: «...фотографии трупа Кулагина не содержат какой-либо доказательственной информации, в том числе о предметах, с помощью которых мог быть лишен жизни Кулагин (петля, шнурок, веревка), и о следах воздействия этих предметов, что не оспаривается и в протесте» [5, с. 175].

Принимая решение о правомерности исследования подобных доказательств с участием присяжных заседателей, Верховный Суд оценивает — могло ли их содержание негативно повлиять на присяжных заседателей и в ряде случаев приходит к *категоричному* выводу об отсутствии такого воздействия: «На оспариваемых осужденным фототаблицах... зафиксирована обстановка места происшествия и нет таких сведений, которые могли негативно воздействовать на присяжных заседателей» [1].

При этом особое внимание уделяется наличию своевременно заявленных возражений сторон, относительно исследования таких доказательств. Если такие возражения не были заявлены, исследование указанных доказательств с участием присяжных признается законным: «Из протокола судебного заседания видно, что никто из участников судебного заседания не высказал каких-либо замечаний или возражений при демонстрации стороной обвинения вещественных доказательств и вышеуказанной фототаблицы. Судебное следствие в этой части проведено в соответствии с требованиями ст. 284 УПК РФ с учетом особенностей, предусмотренных ст. 335 УПК РФ» [9].

Верховный Суд РФ, как правило, не распространяет концепцию «шокирующих доказательств» на доказательства, не содержащие изображение или видеозапись, полагая, что степень воздействия подобных сведений не влечет негативного воздействия на присяжных заседателей.

По делу Н. и М. в кассационном определении было отмечено следующее: «... вещественными доказательствами по делу были признаны аудиокассеты — носители информации устной речи Новикова и Мартемьянова, они исследовались при производстве фоноскопической экспертизы.

Эти аудиокассеты из числа доказательств не исключались и признаны судом допустимыми доказательствами. Однако вопреки требованиям закона в судебном заседании они не прослушивались, содержащиеся в них записи по существу не исследовались.

После обсуждения вопроса о прослушивании записей на аудиокассетах председательствующий вынес постановление об оглашении заключений фоноскопических экспертиз и об отказе в прослушивании аудиокассет, поскольку они содержат большое количество нецензурных выражений. Между тем в законе не содержатся основания, исключающие возможность непосредственного исследования доказательств, признанных допустимыми.

Отказ от прослушивания аудиокассет, т. е. от исследования приобретенных к материалам дела доказательств, повлиял на вынесение присяжными заседателями справедливого вердикта, что повлекло отмену приговора» [6].

Верховный Суд РФ, как правило, не признает исследованные с участием присяжных доказательства, способными вызвать у них предубеждение, если *метод* такого исследования обеспечил нейтрализацию возможного негативного эмоционального воздействия.

Этот метод может состоять в предъявлении указанных доказательств присяжным заседателям фрагментарно: «Из протокола судебного заседания следует, что государственный обвинитель представил на обозрение коллегии присяжных заседателей фототаблицу к протоколу осмотра места происшествия *без демонстрации трупа М.*» [2].

По другому делу Верховный Суд РФ использовал аналогичный подход: «Фототаблица к протоколу осмотра места происшествия была предъявлена для обозрения с разрешения председательствующего, как неотъемлемая часть протокола осмотра места происшествия при отсутствии возражений со стороны защиты, *при этом лицо трупа для обозрения не предъявлялось*. Не имелось возражений со стороны защиты и при исследовании заключения судебно-медицинской экспертизы трупа» [8].

Верховный Суд РФ, решая вопрос о том, оказало ли на присяжных негативное эмоциональное воздействие исследование с их участием «протокола осмотра автомашины с обгоревшими трупами» с приложением фототаблицы, проанализировал *цвет и размер изображения* на этих фотографиях: «Данных о том, что исследование присяжными заседателями фототаблицы, приложенной к протоколу осмотра места происшествия, могли негативно повлиять на объективность присяжных заседателей, в деле не имеется. Размер и качество черно-белых фотографий подтверждают лишь наличие трупов в автомашине не вызывая отталкивающего впечатления» [3].

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что если указанные доказательства имеют существенное значение для установления обстоятельств дела, доказанность которых определяется присяжными

заседателями, исследование их с участием присяжных заседателей признается правоммерным.

Произнося перед присяжными заседателями напутственное слово, председательствующий, применительно к рассматриваемой группе доказательств, обязан напомнить им содержание исследованных доказательств и разъяснить, что они не вправе акцентировать свое внимание на тех аспектах этих сведений, которые не имеют никакого доказательственного значения [4, с. 96].

Таким образом, необходимо законодательно закрепить условия исследования указанных доказательств с участием присяжных, на основе подходов, сформировавшихся в судебной практике.

Список литературы:

1. Апелляционное определение СК УД ВС РФ от 24.07.2013 г. № 41-АПУ13-23сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
2. Апелляционное определение СК УД ВС РФ от 29.07.2013 г. № 20-АПУ13-18сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
3. Кассационное определение СК УД ВС РФ от 24.05.2011 г. № 56-О11-41сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
4. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М.: Р. Валент., 2006.
5. Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М. : Р. Валент., 2001.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
7. Определение СК УД ВС РФ от 01.11.2006 г. № 41-о06-67сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
8. Определение СК УД ВС РФ от 10.08.2006 г. № 44-о06-70сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
9. Определение СК УД ВС РФ от 13.10.2011 г. № 78-О11-89сп [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 12.02.2014).

СЕКЦИЯ 10.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОМОНИМАНИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Герасимова Нина Павловна

*канд. юрид. наук, доцент ЮУрГУ,
РФ, г. Челябинск*

E-mail: pspo.gigpd@mail.ru

ON SOME PROBLEMS PRAVOMONIMANIYA IN JURISPRUDENCE

Nina Gerasimova

*candidate of juridical sciences, associate professor
of South Ural State University,
Russia, Cheljabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье представлено авторское видение проблем правопонимания в современной юридической науке. Автор отмечает исчерпаемость и беспорность проблем, связанных с правоприменением в юриспруденции. В статье рассмотрены различные точки зрения ученых о понятии «правоприменение». Вместе с тем многослойность и противоречивость такого явления, дает общее и довольно четкое, по мнению автора, представление о праве и помогают решать традиционные проблемы правопонимания.

ABSTRACT

The article presents the author's vision of the problems of law in modern jurisprudence. The author notes exhaustible and repudiation of the problems associated with law enforcement in jurisprudence. The article discusses the various points of view of scientists about the concept of "law enforcement". However, multi-layered and contradictory nature of this phenomenon provides

a general and fairly clear, according to the author, the idea of law and help to solve the traditional problems of law.

Ключевые слова: правопонимание; познание; восприятие; оценка; научная категория; феномен права.

Keywords: legal thinking; cognition; perception; assessment; scientific category; the phenomenon of law.

Проблема понимания права имеет особое значение для юридической науки. Исходным, ключевым является вопрос о понятии права. В зависимости от его решения понимаются и трактуются все другие правовые явления. На основе четкого представления о том, что есть право, можно определить перспективы развития и пути повышения эффективности юридической науки.

В истории философско-правовой мысли понятие права менялось, приобретало одни характеристики и утрачивало другие. По Аристотелю, право есть разумное уравнивание противоречия, т. е. компромисс застывший, сформированный разумом в норме: нет равновесия — нет права. В Древней Греции в поэмах Гомера и Гесиода право понимается как справедливость, установленная богами. По Демокриту, происхождение права представляет естественно-необходимый процесс, чтобы обеспечить жизнь в полисе; софисты противопоставляли законы полиса и законы природы, считая, что власть устанавливает свои законы, а справедливость выгода сильнейшему [8, с. 137—145].

Суждение о неопределенности понятия права, а также о нерешенности проблем правопонимания вызывают бесконечные споры и вместе с тем весьма актуальны как в российской, так и в зарубежной юриспруденции. В частности, австрийский ученый Г. Кельзен в работе «Чистая теория права» обратил особое внимание на том, что «теория права должна, прежде всего, определить понятие о своем предмете». В результате исследования автор делает вывод, «могло бы выясниться, что словом «право» и его иноязычными эквивалентами обозначаются столь различные предметы, что никакое общее понятие не может охватить их все» [2, с. 480—481].

Многообразие взглядов ученых-юристов на кардинальную проблему правопонимания обуславливается тремя факторами:

1. сложностью права, многообразием его проявлений в обществе;
2. влиянием на процессы познания сущности права, правовой идеологии и классовой борьбы;

3. различными исходными философскими и методологическими основаниями.

Правопонимание представляет собой весьма сложный и многообразный социальный институт, действующий в экономической, политической, образовательной и других сферах общества. Одновременно правовые явления и процессы необходимо присутствуют и во взаимоотношениях людей, их правосознании, конкретных действиях и поступках. Сложной и противоречивой представляет собой связь права с другими социальными нормами. В мире существует множество научных идей, течений и точек зрения по поводу понимания права. При этом трудно определить те свойства, признаки, которые бы позволили бесспорно отличить право от «неправа» во всех конкретных проявлениях.

В связи с этим, любое определение права имеет относительный характер, так как не может охватывать всего многообразия различных его свойств и характеристик.

В настоящее время в отечественной и зарубежной юридической науке еще не выработано единого представления о праве, и многие проблемы, касающиеся правопонимания, едва ли не стали вечными и неизменными, об этом свидетельствуют многочисленные исследования, проводившиеся в течение ряда последних столетий в юридической науке.

Нерешенность проблем правопонимания и определения понятия права в юридической литературе, дает возможность попытаться еще раз сделать хотя бы шаг в решении данной проблемы.

Известное замечание Канта о том, что «юристы все еще ищут определение права, остается справедливым и в наши дни» [7, с. 2]. Юридическая мысль, отмечает Г.В. Мальцев, «судя по всему, обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности, предмете правового регулирования» [7, с. 3].

Рассматривая проблемы правопонимания, необходимо отметить, что «успешное решение их весьма важно не только само по себе с познанием других, неразрывно связанных с понятием права явлений и отражающих их категорий и понятий» [4, с. 14—16].

Выдающийся русский юрист Е.Н. Трубецкой, по мнению автора четко определил значение формулировки права: «При отсутствии удовлетворительного определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками; а при отсутствии таких границ наука права всегда рискует

или не охватывает весь свой предмет, или совершает захваты из других, чуждых ей областей знаний» [15, с. 14].

Исходя из вышеизложенного, в контексте проблемы правопонимания особо следует выделить вопрос об отправных началах исследования. Автору представляется важным сделать акцент на таких аспектах, как понятие самого феномена правопонимания, построение типологии научного правопонимания и, наконец, использования общепринятых в отечественной философии категорий, которые могли бы стать отправными, универсальными началами в разных исследованиях феномена «права».

В этой связи, необходимо подчеркнуть точку зрения А.В. Полякова, согласно которой и современная российская теория права должна не возрождать ложный дуализм естественного и позитивного права, а работать над концепцией, которая объяснила бы право как многообразный, но единый феномен, существующий на разных социальных уровнях и в разных ипостасях» [13, с. 6].

Некоторые ученые проблемы понимания права пытались одновременно решать с позиции позитивного и естественного, точнее обновленного естественного права, основной акцент становился не только на взаимоотношениях права и государства, но и на характере взаимосвязей права и общества. Например, Е.Н. Трубецкой отмечал, «... чем обуславливается обязанность правовых норм», все они подразделяются на две различные группы, «причисленные к двум основным формам права». Одни, «коих обязанность обуславливается санкцией того или другого внешнего авторитета (например, государство, церкви), суть нормы права позитивного, или положительного». Другие, «все те правовые нормы, коих обязанность не обуславливается каким-либо внешним авторитетом, а требованиями разума суть нормы права естественного» [15, с. 73—74].

Проблема дуализма естественного и позитивного права весьма подробно исследована В.С. Нерсесянцем. Глубоко проанализированы вопросы дуализма индивидуального и публичного начал в праве в работах Р.З. Лившица [6, с. 282—293]. В истории правовой мысли право всегда рассматривалось в двух своих проявлениях: во-первых, как нечто объективно существующее, то есть независящее от человеческого волеустановления, а во-вторых, как продукт человеческого волеустановления. При этом право необходимо рассматривать в качестве двуединого феномена, по-разному проявляющегося в зависимости от объективных и субъективных условий. Прямая зависимость конкретного типа правопонимания от данных условий, а соответственно проявлений права в объективной реальности

и его последующего восприятия субъектом правопонимания. Исследования права диалектически взаимосвязаны с такими категориями как, «свобода» и «необходимость», «объективное» и «субъективное», «сущное» и «должное», «содержание» и «форма», которое не вызывает сомнения у многих ученых.

«Вследствие исследования правопонимание определяется как специфический феномен, то есть философско-правовая категория, относящаяся к области доктринального правосознания, развития, функционирования права и правовых явлений. Правопонимание представлено в виде конкретных правовых идей, системы воззрений, теоретических конструкций, содержащих в себе определенные закономерности как онтологического, так и гносеологического плана» [14, с. 8]. По мнению автора, В.И. Поповым недостаточно раскрыты сущностные признаки самого феномена права, по сути, он констатирует, что правопонимание относится к определенной сфере правосознания, и перечисляет лишь внешние проявления.

Достаточно интересен подход к этой проблеме В.И. Леушина и В.Д. Перевалова, в нем отражаются распространенные воззрения на исследуемую проблематику, который позволяет глубже разобраться с ключевыми вопросами понимания права.

Авторами данного исследования правильно выбрано научное направление, которое рассматривается с позиции научных категорий, как «познание», «восприятие», «оценка», «субъект», «объект», «содержание» и так далее. Вместе с тем, феномен «правапонимание» широко используется в учебной литературе, но содержание его не раскрывается в полном объеме и поэтому нуждается в дальнейшем развитии и уточнении.

В настоящее время признано следующая трактовка: «Правопонимание — это научная категория, отражающая процесс и результат целенаправленной мыслительной деятельности человека, включающая в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как целостному социальному явлению» [5, с. 222].

Таким образом, выделяются четыре признака, вытекающие из формулировки определения правопонимания:

1. познание права;
2. восприятие права;
3. оценка права;
4. отношение к праву как «целостному социальному явлению».

Из данного содержания следует вывод о системности, в которую включены перечисленные элементы, которые и составляют опреде-

ленный процесс и результат целенаправленный мыслительной деятельности.

Определение правопонимания через категорию «познание» предлагается М.И. Байтиным, который подчеркивает, что «научное познание и объяснение права как своеобразного и относительно самостоятельного, целостного, системного явления духовной жизни общества» [1, с. 17].

На основании данного подхода феномен права рассматривается в двух аспектах:

Во-первых, в качестве специфического социального процесса научного познания права, его сущности, обосновании, ведущих принципов и признаков.

Во-вторых, в качестве научной категории, являющейся результатом общественной деятельности, научной активности и занявшей свое место в науке правоведения.

Нормативистский подход к праву имеет серьезные и объективные основания. На базе представления о праве отечественными и зарубежными исследователями были выработаны два весьма отличающиеся друг от друга по своему логическому объему и содержанию, но весьма близко примыкающих друг другу по своей сути понятие права: «узконормативное» и «широкое» понимание права [12, с. 48—77].

Узконормативный подход к пониманию понятия права сводится к выработке представления о праве как о системе норм, установленных или санкционированных государством, выражающих волю государства и обеспеченных государством. «Общее определение понятия права», выработанное М.И. Байтиным в работе «Сущность права». Право здесь определяется как «система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [1, с. 81—82].

Суть, так называемого «широкого» подхода правопонимания сводится к тому, что общее понятие права наряду с нормами права предлагает включать, так же в зависимости позиций того или иного автора правосознание правоотношения, правовые принципы и тому подобное [1].

Анализ многочисленных в той или иной степени отличающихся друг от друга точек зрения и подходов, возникающих за относительно короткий период времени в рамках «широкого» правопонимания, со всей очевидностью свидетельствовал о том, что предлагавшиеся

«широкие» представления о праве и его соответствующие определения не носили радикального характера и по существу своему фактически не выходили за пределы официального «узконормативного» представления о праве [3].

По мнению В.С. Нерсесянца, полемика представителей «широкого» понимания права против сторонников «узконормативного» подхода носит «непринципиальный характер, поскольку оба направления на советском социалистическом праве, по существу отождествляются советским законодательством». Под «нормой права» в общих случаях имеется в виду норма законодательства, производными от которой являются и компоненты более «широкого» понимания права («правоотношение» и «правосознание») [10, с. 286]. Норма права представляет собой формализованное отражение системы устойчивых связей, которые наблюдаются во всех социальных отношениях, складывающиеся по поводу определенного вида социальных благ (объект права). Понимаемая таким образом, что норма права — это не просто правило поведения, а способ существования и выражения содержательной стороны права. При этом конкретное отношение, рассматриваемое во всем множестве его проявлений, особенностей как совокупность всех процессов, свойственных для данной вполне определенной жизненной ситуации, — это содержание права, определенным образом обуславливающее форму.

Вместе с тем, с «узконормативным» и «широким» подходами к правопониманию и выработке понятия права, некоторыми авторами выделяется и третий подход, согласно которому правопонимание базируется на принципе различения права и закона [11, с. 351—380].

Однако, как свидетельствует опыт отечественных и зарубежных ученых, данный подход, несмотря на традиционность проблемы соотношения права и закона[8], широкого признания и распространения не получил.

Проблема правопонимания — это центральная проблема теоретического правоведения, проблема всей юридической науки, в соответствии с которой «современная российская наука объективно нуждается в поисках альтернативной концепции правопонимания, адекватной современным реалиям российского общества» [9, с. 7].

Принципиально важно отметить, что проблемы правопонимания имеют не только теоретическое, сколько практическое значение, как для правотворческой, так и для правоохранительной, правореализующей и для правоприменительной деятельности.

Список литературы:

1. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. — 416 с.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве // История политических и правовых учений. — С. 480—485.
3. Керимов Д.А., Увдбайло П.Е., Самощенко И.С., Явич П.С. К вопросу об определении понятия социалистического права // Правоведение. М., — 1966 — № 2. — С. 47—51.
4. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: монография. М.: Зерцало-М, 2002. — 288 с.
5. Леушин В.И., Первалов В.Д. Понятие, сущность и социальная ценность права // Теория государства и права. / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М., 1997. — 616 с.
6. Лившиц В.З. О противоречивой двуединой природе права // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. Материалы международного семинара М.: Издание Государственной думы, 1998. — С. 282—293.
7. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. — 419 с.
8. Марченко М.Н. Общая теория государства и права: Акад. Курс: В 3 т. Т. 2 / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2001. — 637 с.
9. Мурашова С.А. Антология современной правовой мысли: проблемы правопонимания. Краснодар, 2003. — 470 с.
10. Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. М.: Юристь, 1992. — 354 с.
11. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. — 366 с.
12. О понимании советского права // Советское государство и право. М., — 1979. — № 7. — С. 56—71. // Советское государство и право. М., — 1979. — № 8. — С. 48—77.
13. Поляков А.В. Петербургская школа философии и задачи современного правоведения // Правоведение. М., 2000. — № 2. — С. 6—10.
14. Попов В.И. Правопонимание в советской юридической науке: дисс... канд. юридических наук. М., 2001. — 182 с.
15. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Юрид. институт, 1998. — 183 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Майоров Андрей Владимирович

*канд. юрид. наук, доцент, зав. Кафедрой ЮУрГУ (НИУ),
РФ, г. Челябинск
E-mail: AB_Majorov@mail.ru*

ANTI-CRIME — PRIORITY IN CRIMINAL STATE POLICY

Andrey Mayorov

*candidate of juridical sciences, associate professor, head of cathedra
of South Ural State University,
Russia, Cheljabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается рассмотреть такую категорию, как противодействие преступности, являющуюся по мнению автора приоритетным направлением уголовной политики государства в сфере борьбы с преступностью, на современном этапе развития общества. Анализируется действующее законодательство, предусматривающее противодействие отдельным видам преступлений, как способ воздействия на преступность в целом. Изучаются понятия «предупреждение преступности», «профилактика преступности» и «борьба с преступностью», как системообразующие категории противодействия преступности. Предлагается комплексный подход к рассмотрению признаков «противодействия преступности», а также отмечается, что в целом меры воздействия на преступность образуют «систему противодействия преступности». Предлагается авторская позиция о структуре системы «противодействия преступности» в России.

ABSTRACT

The article proposes to consider such a category as against crime, which is the author's opinion priority criminal policy of the state in the fight against crime, at the present stage of development of society. Analyzes current legislation that opposition individual types of crime as a way to impact on crime

in general. The concepts of «crime prevention», «crime prevention» and «fight against crime» as systemically important category of fighting crime. Offers a comprehensive approach to treating signs of «fighting crime», and notes that in general, measures the impact on crime form a «system of fighting crime». The author's position on the structure of «fighting crime» in Russia.

Ключевые слова: противодействие преступности; предупреждение; борьба с преступностью; система противодействия преступности; уголовная политика.

Keywords: fight against crime; prevention; crime prevention; combating crime system; criminal policy.

В настоящее время существует множество терминов, которыми обозначают в теории и практики процесс реагирования на преступность. Развивая авторскую концепцию, необходимо отметить следующее: «предупреждение преступности», «профилактика преступности», «контроль преступности» и «борьба с преступностью» являются составляющими элементами более общего социального воздействия на преступность — процесса «противодействия преступности». Указанная категория все чаще используется не только теоретиками и практиками, но и в законотворческой деятельности.

Представляется вполне очевидным то, что применение термина «противодействие», при характеристике оказываемого воздействия на преступность, позволяет отразить всю совокупность мер и способов реагирования государства, его властных органов, общества и отдельных граждан, осуществляемых в процессе борьбы с преступностью.

Анализ специальной литературы показывает, что в сфере противодействия преступности задействованы несколько видов реагирования (воздействия) на преступность, как на негативное социальное явление, так и на отдельные преступления. Следует отметить, что существующий комплекс воздействия на преступность может включать в себя различные способы реагирования: и предупреждение преступности, и борьба с преступностью, и профилактика преступности, и выявление, и пресечение, а также раскрытие и расследование преступлений [3; 4; 5]. В совокупности же все эти способы воздействия на преступность можно обозначить единым термином — «противодействие».

Например, по мнению Ю.М. Антоняна, в процессе осуществления предупредительной деятельности можно выделять некоторые автономные направления активности государства и общества, а также

отдельных граждан — «борьба», «предупреждение» и «профилактика» [1, с. 141], хотя, как отмечает автор, «... и среди криминологов нет единства мнений относительно их содержания» [1, с. 142].

Автору представляется, что существующие способы реагирования на преступность можно представить в виде определенной системы — системы противодействия преступности, включающей в себя меры профилактического и меры предупредительного воздействия, как на отдельные преступления, так и на преступность в целом. Такая система должна включать в себя средства, способы и приемы, которые применяют не только правоохранительные органы, но и органы местного самоуправления, общественные и иные организации, а также сами граждане. При этом, механизм реализации противодействия преступности, требует весьма серьезных усилий, не только со стороны государства, но и общества, отдельных его индивидов. Определенный результат противодействия может быть достигнут только на основе использования широкого комплекса общесоциальных и специальных предупредительных мер [6, с. 160].

Безусловно, системный подход в рассмотрении современной структуры противодействия преступности требует более подробного анализа, составляющих ее подсистем и отдельных элементов, с учетом возможных механизмов управления и реализации ее функций. Вместе с тем, в рамках данной статьи предлагается лишь обозначить актуальность изучаемой проблемы, связанной с определением приоритета в формировании уголовной политики государства и предложить авторское видение в решение данной проблемы. Рассматривая противодействие преступности как приоритетное направление в области реализации уголовной политики российского государства, необходимо отметить то, что в последнее десятилетие, указанное направление активно используется законодателем при реагировании на отдельные проявления преступной деятельности [7; 8]. Так же, следует отметить, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», одним из основных предназначений полиции, является *противодействие преступности* [9].

Анализируя федеральное законодательство, направленное на борьбу и противодействие отдельным видам преступной деятельности, можно выявить следующие *признаки «противодействия преступности»*:

1. это *деятельность государственных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц*, в пределах их полномочий, направленная против преступных посягательств;

2. *целью* является — минимизация и (или) ликвидации последствий преступной деятельности;

3. *противодействие может осуществляться*, как по средствам ранней (профилактической) предупредительной деятельности, направленной на выявление и последующее устранение причин противоправной (преступной) деятельности, так и по средствам борьбы, направленной на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений.

Таким образом, анализируя представленные признаки можно отметить, что *противодействие преступности* представляет собой комплекс мероприятий по обеспечению безопасности охраняемых законом интересов граждан, общества и государства, заключающихся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по воспрепятствованию возникновению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также их выявлению, предотвращению и пресечению, путем профилактики и предупреждения преступлений.

Следует отметить, что данный процесс предполагает выделение определенного круга субъектов этой деятельности, цели и способов ее достижения, образуя определенную систему. При этом, термин «противодействие преступности» является более приемлемым при определении всей совокупности возможных мер, направленных на снижения уровня противоправных деяний и повышения уровня защищенности граждан, общества и государства в целом.

Рассматривая противодействие преступности в виде определенной системы, реализуемой в области уголовной политики государства необходимо определить ее цель и выделить основные элементы.

Целью противодействия преступности является — повышение уровня защищенности личности, общества и государства в целом, снижение уровня преступности и удержание ее на определенном уровне (контроль), минимизация и (или) ликвидации последствий преступной деятельности;

Способами достижения целей противодействия преступности выступают как ранняя профилактическая предупредительная деятельность, направленная на выявление и последующее устранение причин противоправной (преступной) активности, так и борьба с преступностью как таковая, направленная на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений.

К *субъектам противодействия преступности* следует относить — федеральные органы государственной власти, органы государственной

власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физических лиц в пределах их полномочий (компетенции).

Объектом же воздействия в данной системе будут выступать преступность, как негативное социальное явление, а также лица, совершающие противоправные деяния и иные правонарушения [2, с. 12].

Таким образом, выделяя противодействие преступности, как систему мер необходимого реагирования ее субъектов, при должном уровне организованности и научной обоснованности позволит реализовать основные идеи уголовной политики нашего государства, а также разработать стратегию и тактику эффективного реагирования на преступность, отдельные противоправные деяния и иные правонарушения.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Криминология : избранные лекции / Ю.М. Антонян. М.: «Логос», 2004. — 448 с.
2. Воронин Ю.А., Майоров А.В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Ю.А. Воронин, А.В. Майоров / Криминологический журнал БГУЭП — 2013. — № 1. — С. 7—14.
3. Клеймёнов М.П. Криминология: учебник / М.П. Клеймёнов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. — 432 с.
4. Козаченко И.Я. Криминология: учебник / И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 304 с.
5. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. — 912 с.
6. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности: монография / А.В. Майоров. М.: Юрлитинформ, 2014. — 224 с.
7. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (Дата обращения 15.02.2014 г.).
8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (Дата обращения 15.02.2014 г.).
9. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.consultant.ru/popular/police/>(Дата обращения 15.02.2014 г.).

ДЕФИНИЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА» В ДОКТРИНЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чиркова Евгения Сергеевна

*преподаватель Волго-Вятского института (филиала)
«Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
РФ, г. Киров
E-mail: e.s.chirkova@yandex.ru*

DEFINITION «JURIDICAL TECHNIQUE» IN THE DOCTRINE AND THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Chirkova Evgenia Sergeevna

*lecturer of Volga-Vyatka institute (branch) «The Moscow state legal
university of a name of O.E. Kutafin»,
Russia, Kirov*

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает понятие юридической техники как доктринальную, так и законодательную дефиницию. В статье представлены научные подходы к определению понятия. Анализируется вопрос о необходимости закрепления данной правовой категории в российском законодательстве федерального уровня.

ABSTRACT

The author considers concept of juridical technique both doctrinal, and a legislative definition. Scientific approaches are presented in article to concept definition. The question of need of fixing of this legal category in the Russian legislation of federal level is analysed.

Keywords: juridical technique; types of definitions.

Ключевые слова: юридическая техника; виды дефиниций.

В настоящее время очень часто встречается понятие «юридическая техника». Данный термин широко используется в области юриспруденции. Интерес к названной категории начал

нарастать сравнительно недавно, но достаточно стремительно. Рассмотрение вопросов, связанных с юридической техникой, проходит не только в научной и учебной сфере, но и обсуждается законодателями.

В российских ВУЗах дисциплина «Юридическая техника» набирает значимость. Например, если раньше в Волго-Вятском институте (филиале) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по дисциплине «Юридическая техника» у студентов специалитета были предусмотрены только лекционные часы и самостоятельная работа, то с переходом на бакалавриат в рабочую программу помимо лекционных занятий и самостоятельной работы студентов включены и практические занятия. Данное изменение является положительным для развития знаний, умений и навыков студентов высших учебных заведений.

Под «*дефиницией*» понимается модель, устанавливающая критерии разграничения соответствующей категории. Это краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки явления или предмета.

В зависимости от источника закрепления можно выделить три вида дефиниций:

- *законодательные;*
- *судебные;*
- *доктринальные (научные).*

Понятие юридической техники на сегодняшний день встречается во многих научных и учебных источниках. В литературе сформировались два основных подхода: узкий и широкий. *Узкий подход*, его ещё называют документальным, к пониманию юридической техники сложился ранее, нежели широкий. Яркими представителями данного подхода являются С.С. Алексеев и А.Ф. Черданцев.

По мнению А.Ф. Черданцева, юридическая техника — «это совокупность правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учета» [9, с. 366]. С.С. Алексеев полагает, что юридическая техника — «это совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства» [1, с. 482].

С.С. Алексеев, в отличие от А.Ф. Черданцев, вводя в понятие юридическая техника категорию «правовые нормативные акты», сужает понятие юридической техники. Тем самым, его определение распространяется только на сферу правотворчества. Следовательно,

понятие «юридическая техника» сливается с понятием «законодательная техника». О недопустимости отождествления этих понятий отмечают многие правоведы. Например, Л.Л. Кругликов, считающий отождествление законодательной и юридической техники недопустимым «по крайней мере по двум причинам. Во-первых, последняя как категория более широкая охватывает собой процесс «изготовления» не только законов, но и иных нормативных актов. Во-вторых, она имеет отношение и к правотворчеству, и к правоприменительной деятельности» [3, с. 3]. Соотношению этих понятий посвящена статья Т.В. Кашаниной «Юридическая техника или законодательная техника?» [2, с. 171—173], где она констатирует, что их отождествление — это вчерашний день.

Широкий подход, называемый также деятельностным, предполагает отождествление юридической техники с правом в целом, отражая при этом комплекс элементов правовой действительности. По мнению В.И. Червонюка, «юридическая техника есть применение апробированных практикой научно обоснованных рациональных юридических способов, средств и процедур внедрения права в сознание, поведение и деятельность отдельного вида и социальных общностей» [10, с. 421].

Итак, юридическая техника относится к доктринальным дефинициям. Согласимся с Т.В. Кашаниной в определении юридической техники как правил ведения юридической работы и составления в процессе её юридических документов.

Рассмотрев дефиницию «юридическая техника» как доктринальную, проанализируем её закрепление в законодательстве Российской Федерации.

Отметим, что на федеральном уровне не принят нормативно-правовой акт, закрепляющий понятие юридической техники. В связи с широким использованием данной категории, законодатели стали обсуждать вопрос принятия соответствующего Федерального закона. Например, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ продолжительное время занимается разработкой проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». В процессе работы сложились определенные традиции, подходы к трактовке тех или иных вопросов, возникающих в связи с данным законопроектом. В предлагаемом проекте предлагается закрепить главу, устанавливающую оформление проектов нормативных правовых актов и правил юридической техники.

Если на федеральном уровне понятие юридической техники не закрепляется, то в законодательстве субъектов РФ встречаются

попытки определения понятия и правил юридической техники. Приведем примеры.

Закон Республики Бурятия от 19.06.1996 № 321-1 «О законопроектной деятельности в Республике Бурятия» (в ред. от 19.12.2008): юридическая культура и техника — способы и приемы изложения содержания и структуры законопроекта, обеспечивающие четкость, ясность, определенность текста закона, его внутреннюю логику [4].

Закон Курганской области от 08.10.2004 № 444 «О нормативных правовых актах Курганской области» (в ред. от 10.11.2008): правила юридической техники — совокупная связь определенных приемов (юридическая терминология, юридические конструкции, способ построения нормативных правовых актов), применяемых при разработке содержания и структуры нормативных правовых актов [5].

Закон Челябинской области от 30.05.2002 № 87-ЗО «О нормативных правовых актах Челябинской области» (в ред. от 29.11.2007): правила юридической техники, применяемые при подготовке нормативных правовых актов Челябинской области, — совокупность способов, приемов, применяемых при разработке, изложении, оформлении нормативных правовых актов Челябинской области [6].

Закон Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» (в ред. от 12.01.2009): юридическая техника — система правил, средств и приемов разработки, оформления и систематизации правовых актов [7].

Закон Орловской области от 15.04.2003 № 319-ОЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» (в ред. от 07.11.2008): юридическая техника — средства и приемы, при помощи которых обеспечиваются юридическое содержание правового акта и его словесно-документальное изложение [8].

Итак, некоторые региональные законодатели закрепляют понятия и правила юридической техники, но приведенные примеры показывают «разношерстность» в понимании. Даже само понятие называется по-разному: юридическая техника, юридическая культура и техника. Отсутствие специального регулирования системы нормативных правовых актов и правотворческой практики порождает множественные коллизии и пробелы в правовом регулировании, оказывает негативное влияние на правоприменительную практику и, в конечном счете, приводит к отчуждению права от реальной жизни. В связи с этим разработка и принятие Федерального закона

«О нормативных правовых актах в Российской Федерации» представляется актуальным и важным делом.

Основой эффективного развития любой правовой системы является совершенствование качества юридических документов, в том числе нормативных правовых актов, формирование единой и непротиворечивой системы российского законодательства, строгая согласованность юридических документов, высокое содержательное и юридико-техническое качество подготовки их текстов.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / С.С. Алексеев. М.: Проспект, 2009.
2. Кашанина Т.В. Юридическая техника или законодательная техника? / Т.В. Кашанина // Журнал российского права. 2010. № 3.
3. Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: Сборник научных статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 1996.
4. О законопроектной деятельности в Республике Бурятия: закон Республики Бурятия от 19.06.1996 № 321-1: в ред. от 19.12.2008 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О нормативных правовых актах Курганской области: закон Курганской области от 08.10.2004 № 444: в ред. от 10.11.2008 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О нормативных правовых актах Челябинской области: закон Челябинской области от 30.05.2002 № 87-ЗО: в ред. от 29.11.2007 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике: Закон Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ: в ред. от 12.01.2009 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области: закон Орловской области от 15.04.2003 № 319-ОЗ: в ред. от 07.11.2008 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. М., 1999.
10. Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник / В.И. Червонюк. М.: Инфра, 2007.

Научное издание

**«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ»**

Сборник статей по материалам
XXXIV международной научно-практической конференции

№ 2 (34)
Февраль 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 03.03.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3